

Сергей Недоруб

[НОВАЯ ЗОНА]
ДРУЗЬЯ ДРУЗЕЙ

Апокалипсис-СТ

Сергей Недоруб

Новая Зона. Друзья друзей

«АСТ»

2015

Недоруб С. И.

Новая Зона. Друзья друзей / С. И. Недоруб — «АСТ»,
2015 — (Апокалипсис-СТ)

Несмотря на старания Марка, Борланда и Виктора помешать планам заговорщиков, в Москве возникла Новая Зона. Остается лишь принять свою судьбу... или же восстать против нее. У сбежавшего с «Вертикали» Борланда есть три дня на то, чтобы найти в Москве своих друзей и помочь им навсегда скрыться от любого преследования. Однако мест на всех не хватит. Кому-то из них уготовлен другой путь. Попутно Борланду придется решить для себя, чем стала для него Зона – призыванием или же страницей, которую надлежит перевернуть.

Содержание

Часть I	6
1	6
2	9
3	13
4	17
5	19
6	22
7	25
8	27
9	30
10	33
Часть II	36
1	36
2	39
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Иванович Недоруб

Новая Зона. Друзья друзей

© С.И. Недоруб, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть I

1

*Киев, Шевченковский район, шахматный клуб
4 февраля 1996 г.
11:18*

– Марк!

Сидящий за доской девятилетний мальчик встрепенулся, услышав собственное имя, обернулся на педагога. Тот обеспокоенно показал на свое запястье – мол, следи за временем. Марк передвинул ладью вправо и нажал на кнопку контрольных часов, пустив таймер соперника.

Им выступал Артем, который был старше на год. Он раздумывал недолго: решительно двинул пешку вперед и нажал на свою кнопку. Марк словно не услышал этого звука. Он так разглядывал доску, будто только что нарисовал ее на холсте и теперь прикидывал на глаз чистоту красок и плавность линий. Казалось, он никак не участвует в игре и всего лишь занимает место другого игрока. Впрочем, судя по явно выигрышной ситуации на поле, вести партию более достойно было бы сложно. Трофейных фигур у Марка насчитывалось на две меньше, чем у Артема, зато с точки зрения их ценности он однозначно лидировал.

С другой стороны, Артем не зря прославился как самый молодой участник школьного шахматного клуба, ворвавшийся в региональные соревнования сразу после достижения проходного возраста в десять лет. Правда, это было до пришествия Марка – единственного в городе, кто теоретически мог его обойти. Пусть в областной чемпионат Марк в любом случае в этом году не попадал, но на кону стояла репутация Артема, что для обоих мальчишек было важнее каких-то там дипломов и наградных игровых приставок.

За пять секунд до потери хода Марк снова как бы вспомнил, что участвует в шахматной партии, передвинул офицера на три клетки и нажал на кнопку. Артем встрепенулся, начал напряженно обдумывать ситуацию, словно получившаяся раскладка выходила за рамки его расчетов.

Спустя пять минут коллекция Марка пополнилась еще тремя фигурами Артема. Еще через три стало ясно, за кем партия, хотя шансы на перелом еще оставались. Марк сменил позу на стуле, принялся барабанить пальцами по столу, отстукивая сначала ритм на семь четвертых, затем на пять. В свой следующий ход он неожиданно передвинул контрольные часы, затем улыбнулся, словно извиняясь за свою небрежность. Это окончательно сбilo концентрацию Артема – он сделал необдуманный шаг и подставил неуловимого коня под удар ладьи Марка, после чего его король уже был обречен. Артем со вздохом встал из-за стола, положил короля на доску, и Марк заулыбался под заслуженные аплодисменты.

– Марк, пойдй сюда, – позвал его педагог. Пожилой, полностью седоволосый преподаватель информатики по имени Николай Васильевич, заведовавший шахматным клубом, был заметно обеспокоен. – Что это было?

– Я выиграл партию, – доложил Марк, почти не скрывая удовольствия.

– Я видел. Ты молодец. Но все равно объясни: зачем было так много ненужных движений?

– Каких движений?

– Ты постоянно вертелся, привлекал внимание, пытался казаться загадочным. Не говори, что это было случайно. Я знаю, как ты обычно играешь. Полная сосредоточенность, внимание на доску, контроль над фигурами, никаких необдуманных ходов или трат энергии.

Николай Васильевич изъяснялся с мальчиком свободно – он знал, что Марк понимает значение всех слов, и такой тон вполне комфортабельно укладывался в его уши.

И все же последующие объяснения мальчика ввергли его в оторопь.

– Дело в том, Николай Васильевич, что мой соперник тоже знает всю эту тактику, – ответил Марк. – Он хорошо считает, держит себя в руках, сосредоточивается. Потому он и попал на соревнование так рано. Я решил, что надо делать по-другому. Сбить ему внимание своим поведением. Так поступают все чемпионы. Если не играют против компьютера.

– Ты эту речь долго репетировал? – спросил педагог, и мальчик сразу покраснел.

– Не очень, – признался он.

– Ты еще до партии рассчитывал, что выиграешь? И запланировал мое удивление?

– Нет, – сказал Марк. – То есть да, я хотел выиграть...

– Зачем пальцами стучал по столу?

– Это моя отвлекающая схема, – ответил Марк. – Чтобы сбить Артема с толку. Он иногда так шевелит губами, что я понял – он считает про себя на три или четыре четверти, раз в секунду. Он так отмеривает время. Шестидесят секунд легко делить и на три, и на четыре. Я начал отстукивать ритм на семь четвертых, а потом на пять. Это его сбило. А еще я нажимал на часы в последнюю секунду, чтоб Артем думал не о шахматах, а о том, успею я нажать или не успею.

Николай Васильевич тяжело вздохнул.

– Ты просто хотел сделать все красиво, – подвел он итог.

Марк кивнул.

– В этом не было необходимости, – заверил педагог. – Артем играет хорошо, но ты мог бы его сделать просто своим уровнем игры. Люди пришли посмотреть на чистую партию. А ты в ответ продемонстрировал им психологическое давление.

– Психическая атака, – вспомнил Марк термин с гордостью.

– Да. А в чем суть психической атаки, знаешь?

– Заставить соперника сделать ошибку, разве нет?

– Заставить всех почувствовать себя идиотами, а тебя самого – непредсказуемым. Вот чего ты добился, Марк.

– Но... – Мальчик посмотрел по сторонам и обнаружил, что никто на него не смотрит.

– Да, всем на тебя наплевать, – пояснил Николай Васильевич. – Пока мы с тобой говорим, с Артемом за твоей спиной побеседовали шесть человек. Его учитель, родители и трое посторонних людей. Все остальные сейчас суетятся, пытаются вернуть себе обычное эмоциональное состояние, в котором дети ведут себя как дети и не используют интеллектуальный спорт для саморекламы. Ты всех взбудоражил своей тактикой. Заметь – тактикой, а не победой. Ты выиграл партию, но заставил своего оппонента почувствовать себя неудобно. А поскольку он был и остается всеобщим любимцем, то неудобно себя почувствовали и все остальные. Поэтому Артем и дальше поедет на соревнования. А у тебя есть еще год на то, чтобы провести анализ своих ошибок и сделать выводы.

– Как же так? – спросил Марк. – Мне надо зажимать себя как личность?

Глядя снизу вверх на невысокого педагога, Марк напоминал нахохлившегося воробушка. Николай Васильевич еле сдержал смех.

– Зависит от рода деятельности, – ответил он. – Будь ты в «Формуле-1», тебе бы пригнулся индивидуальный стиль. Во всех видах спорта, в основе которого лежит зрелищность, наглость может помочь. Однако шахматы построены на четкой системе. Здесь ты как олимпийский игрок – работаешь по таймеру и просто делаешь свое дело, не пытаешься улыбаться в камеру каждый раз, как она повернется в твою сторону. Твоя задача – действовать прагматично, обдуманно, добиваясь своей цели. Незачем каждый раз показывать свою крутизну. Поверь, в жизни уважение к человеку может принести намного большую пользу, нежели попытка проехаться

на нем с радостными воплями. Тебе нужно учиться сосредоточиваться, а не пытаться разнообразить работу излишними красотами. Потому что чувство красоты – строго индивидуально у каждого. И то, что тебе кажется стильным, другим может быть воспринято как неуважение или даже оскорбление.

Марк выглядел растерянным.

– И что же делать? – спросил он.

– Для начала – не пытаться копировать никого. Думай, что нужно человеку, и дай ему это. Ты в шахматах не любишь проигрывать?

– Конечно, не люблю.

– А почему?

– Потому что это... неприятно.

– Вот. А проиграть мне тоже неприятно?

– Конечно, нет. Вы же намного старше и опытнее.

– Ты сегодня мог сделать так, чтобы Артем посчитал тебя намного старше и опытнее.

– Как это? – удивился Марк.

– Через твое отношение к нему. Ключ к уважению и успеху лежит именно в этом. Не надо топтаться на людях. Позволь им воспарить. В мире полно боев, где ты противника не видишь. Бывает и так, что противник – это твой друг или близкий человек, которого тебе надо переубедить. Если ты будешь видеть, что твой друг совершает ошибку, ты что сделаешь?

– Помогу исправить, – ответил Марк, не задумываясь.

– Как исправить? Сделаешь дело за него? Скажешь, как надо? А если он не станет слушать? Будешь на него давить? Тоже, как с Артемом, покажешь ему, что он дурак?

Марк подыскивал ответ, но не находил его. Николай Васильевич положил руку ему на плечо.

– Ты хорош во всех играх, где заданы правила, – сказал он. – А вот когда нужно просто сходить с человеком, ты теряешься. Пытаешься искать правила, контроль, хочешь понять, кто друг, а кто враг. Шахматы этому не учат. В шахматах все просто. Но тебе уже пора учиться дальше.

– Чему учиться, Николай Васильевич?

Пожилый педагог пожал плечами.

– Играть, – ответил он. – Моделировать ситуации, понимать желания и ограничения людей и бережно к ним относиться. Только после этого сможешь решать, на кого давить, а на кого нет.

2

Московская Зона, первый день

16 марта 2014 г.

09:44

– Держать руки на виду! – Марк слегка качнул дулом револьвера. – Дернешься – и ты покойник. Все просто.

Он лгал, стараясь быть убедительным. Ничто не было просто. Ничего не бывает просто, если ты не убийца, твой пистолет не игрушечный, а стоящий перед тобой человек совсем не враг. Более того, призван по долгу службы быть тебе неизвестным другом. И, что еще хуже, вполне добросовестно этот долг исполняет. Может быть.

Стоящий перед Марком человек был полицейским. Обычным московским правозащитником, участвовавшим в эвакуации города или защите имущества от мародерства – почти бесполезной. И вся его вина заключалась в том, что его служебный автомобиль был оборудован новой системой поиска по базе преступлений, которой можно было пользоваться напрямую, без надобности связываться с диспетчером. То есть именно тем, что Марк искал. В других условиях сам факт приписки такого транспорта к этому полицейскому вместе с кодами допуска говорил бы о его принадлежности к активному раскрытию преступлений – своего рода интеллектуальной элите, в которой принято сначала думать, искать, находить, а потом уже стрелять. Хотя последний пункт и засчитывался бы в минус. Сейчас, пожалуй, было разумнее стрелять в первую очередь.

Пейзаж за спиной полицейского наводил на те же мысли. Ядовитого цвета туман, окутывавший север столицы, скрывал куда более серьезные ловушки вроде непримечательных мест на дороге, где случайный прохожий мог бы оказаться внезапно сплюснутым давлением до размеров наперстка. Или обнаружить, что кости начинают превращаться в эластичную массу, да так, что невозможно догадаться, где именно ты умудрился пройти опасный участок. Аномалии пока что вспыхивали хаотично и на короткое время, и при определенных долях мастерства и везения можно было перемещаться по Москве относительно благополучно – но кто об этом знал, кроме десятка не знакомых друг с другом сталкеров? И сколько из них согласились консультировать органы власти?

Поэтому неудивительно, что поспешная эвакуация города проводилась всеми имеющимися силами. И полицейскому с нервно дергающимся глазом досталась первая попавшаяся машина. Усиленный «Форд» с системой живого интерактивного поиска, доступом к глобальной базе данных и даже отдельным креплением для серьезного ствола. С той разницей, что вместо приличествующего помпового ружья на нем хранился укороченный «Калашников». Спешность, с которой полицейскому выдали авто такого уровня и с боевым оружием, говорила о непродуманности плана эвакуации горожан, если не о полном его отсутствии. На решение вопроса попросту бросили все ресурсы. Похоже, что ни у кого из бывших руководителей Центра Аномальных Явлений не имелось рекомендаций на случай появления Зоны в Москве или в другом месте страны. Ждать такой программы от Левина, конечно, было бы смешно, но уж Мирослав Каменский мог бы и придумать способы сделать все нормально. Теперь же нельзя было предсказать, как поведут себя всякие министерства и городские службы.

Недостатки такой импровизации с их стороны были налицо: нельзя ни в коем случае отправлять вооруженных огнестрелами людей на подавление беспорядков. Просто во избежание попадания оружия в чужие руки. Именно это в данный момент и происходило. По напряженному выражению полицейского ясно читалось понимание этих ошибок. Но что-либо объяснить ему Марк не собирался. Не те условия.

– Слушай меня внимательно, – произнес Марк, продолжая держать револьвер нацеленным. – Твой электрошокер я тебе не верну – ты и сам это понял. И я забираю машину. Сейчас ты зол и растерян, но позже ты поймешь, что я спасаю тебе жизнь. На север города не суйся. Там ты не выживешь. Или в аномалию попадешь, или мародеры пристрелят. Лучше иди на запад, к своим. Если тебя остановят вооруженные банды – отдашь им свое снаряжение в обмен на жизнь. Пока что эта схема еще будет работать. Завтра все поймут, что измененная Москва – это надолго, и расклад уличной власти полностью поменяется. В полицейских просто будут стрелять на месте. К тому времени ты уже должен расстаться с формой. Только сильно не распыляйся. Первому отдашь фонарь, другому – наручники. Бронежилет отдай только жожаку. Этим дашь ему понять, что он сам уязвим, и он в благодарность позволит тебе уйти. Не пытайся понимать, что я тебе говорю. Просто запомни и, возможно, будешь жить.

Полицейский молчал. Пока что все будет проходить так, как Марк ему сказал. Сути услышанного он не поймет. Не сейчас. Но запомнит, независимо от того, хочет ли запоминать. Под дулом револьвера усваивается многое, минуя аналитический центр в мозге. Полицейский сделает так, как ему советовали. А понимание придет позже – когда, находясь во временном штабе внутренних сил, он осознает, что не последует наказания за утерю двух единиц оружия и одной – служебного транспорта, поскольку к тому времени некому будет заниматься такими пустяками. Он обязательно все поймет – если останется жив.

* * *

Отъехав на полицейском «Форде» в сторону, Марк медленно повел машину вдоль улицы, прочь от тумана, уже заползавшего на улицу. Марк знал все или почти все проявления аномальной активности, но туман такого масштаба был ему неизвестен. Вероятно, одна из аномалий проявилась то ли на промышленном заводе, то ли в природных отложениях сероводорода, окутав добрую треть города желтовато-зеленым облаком – относительно безвредным, но снижавшим видимость. Можно было даже не думать, какие дикие фантазии сейчас охватили жителей Москвы по поводу тумана – от химической атаки террористов до порталов в иные миры, откуда вот-вот выглянут ходячие танки. Ни того, ни другого, конечно, не предвиделось, и это было очень плохо. Лучше бы действительно появлялись танки вместо невидимых аномалий. Люди так устроены, что склонны верить своим глазам и способны преодолеть страх того, что видят. Туман же отвлекал внимание, не позволял сосредоточиться на реальных опасностях. Но в любом случае люди поверят в эти опасности лишь тогда, когда пойдут первые массовые потери. Если уже не пошли.

Сделать для города уже ничего было нельзя: после прошедшей ночи жители города успели лишь убедиться, что непонятный катаклизм действительно существует и затрагивает большую часть Москвы, постепенно разрастаясь. Пока было сложно определить эпицентр, хотя уже ясно, что это точно не территория Кремля. Скорее, южная часть столицы. А туман тем не менее ползет с севера...

Мимо «Форда» периодически проносились люди – напуганные и спокойные, вопящие и безмолвные, возбужденные и апатичные. Никто не попытался остановить полицейскую машину, постучать в окно или иным способом привлечь к себе внимание. В минуту опасности помощи у властей никто не попросил. Марк отметил этот момент как интересный, но тут же выбросил его из головы. Все равно машина ему прослужит недолго. По городу сейчас нельзя передвигаться в транспорте, не оснащенном детектором аномалий. У Марка имелся один их таких, но против новых угроз он был бесполезен. Будь Марк все еще сотрудником ЦАЯ, его ждал бы вал работы, одним из результатов которой стала бы новая прошивка ДА-3, замечательного прибора для избегания опасных мест. Или даже создание четвертой версии, вплоть до патента.

Кроме того, по городу все еще передвигается огромное число военной техники, и ни один экипаж не оставит без внимания неустановленный полицейский «Форд». Машину придется бросить. Но сначала она ему послужит, выполнив то, ради чего Марк ее и захватывал.

Остановившись в укромном месте между двух гаражей, Марк проверил свое вооружение. Из двух револьверов солдат «Тектона», охранявших захваченного Левина, у него остался один – второй был слишком изношен, и от него пришлось избавиться, выбросив в реку. Вероятно, новые стволы те двое не жаловали, предпочитая пользоваться списанным или неучтенным оружием. Впрочем, если учесть, что Левина планировали убить, боевики явно шли на откровенную мокруху, что объясняло выбор ствола.

Собственный пистолет Марка все еще служил верой и правдой и все так же хранился в кармане. Плюс новенький, найденный в машине АКС-74У. Настоящий арсенал. Вот только вряд ли сегодня найдется, против кого его применять. Люди еще не одичали, предпочитая просто покинуть город. Хотя первые вооруженные банды есть уже сейчас – в основном те, которые могли называться вооруженными бандами еще при мирной Москве и теперь просто вышли из тени.

Марк повесил автомат себе на грудь дулом вниз, не забыв проверить предохранитель, и застегнул до горла куртку спасателя, найденную на лодочной станции. Со стороны нельзя было понять, что у него есть оружие. В карманы он сунул оба пистолета. Готов к отбытию куда угодно, значит, можно приступать к делу.

Полицейский компьютер был надежно защищен стальным каркасом, на экране мигало стартовое минималистичное меню. Марк ввел ключевые слова в строке поиска: «Полина Тучка».

Марк не сомневался, что поиск принесет результаты. За годы связи с Зонай и ЦАЯ на него и Полину наверняка велись дела. Хотя ни разу они не были подозреваемыми в преступлениях, оставался шанс, что Полина успела мелькнуть в полицейской базе в последние сутки. Хотя бы в качестве пассажирки пропавшего спортивного автомобиля, на котором Литера увозила его подругу в последний раз. Зная все детали, можно будет ее найти.

Расчет полностью оправдался. Однако не тем способом, какой Марк мог ожидать.

– «Альстромера», – произнес он, следя за словами на экране. – Больница Центра, что ли?..

Протерев глаза, Марк читал отчет, внутренне радуясь, что полиция продолжала работать в первые моменты появления Зоны, как и раньше, и кто-то даже успел состряпать предварительный отчет о непонятном убийстве в столичной клинике. Погибшего звали Эмиль Марзаев, 36 лет, работал в...

– ...НИИ «Сталкер», – прочитал Марк, вспоминая, где мог слышать это имя. – Ну да... Эмиль... Из прежнего ОРАКУЛа.

Он продолжил чтение. Тело Марзаева было обнаружено в палате Ольги Коротковой, пациентки, пострадавшей от взрыва в том же НИИ. Сама она пропала бесследно. Опрошена также некая Полина Тучка, лежащая в соседней палате с черепно-мозговой травмой.

Марк чуть не врезал по экрану компьютера, высветившему лаконичный отчет. Пропавшим эта канцелярская бюрократия! В этот момент он не отказался бы от яркой, эмоциональной журналистской заметки. Сухие строки рапорта не описывали, почему Полина оказалась в одной клинике с Коротковой, что там делал Эмиль, почему он мертв, куда пропала Ольга и, главное, почему Полина фигурирует в деле исключительно как посторонний свидетель. Будь она подозреваемой или просто ценной, ее имя было бы включено в рапорт соответствующим образом. Но девушка оставалась просто случайным человеком, который к тому же ничего не видел и не слышал. Марк не мог понять такой странности. В рапорте даже не описывалось, перевезена ли она в другое место или остается все еще в «Альстромере». С другой стороны,

вряд ли в условиях новой Зоны кто-нибудь возьмется перевозить пациентов, которые и так, можно сказать, пребывают в сухом и теплом месте.

В любом случае стартовый пункт был определен.

Марк вышел из машины, закрыл дверь и быстрым шагом направился в сторону «Аль-стромеры». По его подсчетам, попасть туда он должен был к полудню.

3

Киев, Шевченковский район

12 апреля 2001 г.

13:57

К четырнадцати годам Марк считал, что знает всех ровесников района, включая прилежный частный сектор. Они проходили перед глазами во время случайных встреч и растворялись в памяти, не оставляя иных следов, кроме своеобразной галочки в мысленной статистике. Две высотки, три пятиэтажки. Куча квартир в аренду. Текучка человеческой массы, ищущей место под солнцем. Никто не заслуживал особого внимания.

В этот день его ждал сюрприз.

Собственно, и день-то сам по себе был вполне обычным – утро четверга. Все в школах. Тем необычнее было видеть сидящую на скамейке его подъезда незнакомую девочку с книгой.

Первое, что Марк заметил, – необычайно роскошные волосы, иссиня-черные, свободно распущенные. В тон туфлям и джинсам. Красная куртка слегка ее полнила. Через несколько шагов он увидел и профиль – немного пухлые щеки, правильный нос, грудь под оранжевой футболкой плавно поднимается и опускается в такт дыханию...

Марк хотел заговорить, но слова застряли у него в глотке. Он сам не знал, откуда у него внезапно возникло желание пообщаться. Волосы девочки, ее куртка, черты лица – все слилось в единый и неделимый образ, мимо которого он должен был пройти, не останавливаясь, и он решил хотя бы поискать причину задержаться.

Подойдя поближе, Марк глянул на книгу, которую она читала, и остановился. Есть повод сказать хотя бы дежурную фразу. Он почувствовал прилив уверенности.

– Хорошая книга, – сказал он. – Жестокая, но хорошая.

Девочка оторвалась от чтения, посмотрела на Марка, затем на обложку.

– Густав Флобер, «Саламбо», – сказал Марк. – Первый раз вижу девчонку, которая любит читать фантастику на улице.

– Это сказка, – ответила девочка.

– Сказка? Здесь наемники Карфагена приносят младенцев в жертву Молоху. И только прелестная Саламбо, воспитанница храма Танит, хочет для своего народа лучшей судьбы.

Наступила долгая пауза.

– Как тебя зовут? – спросил Марк.

– А тебе зачем?

– Я живу в этом подъезде. Третий этаж. Тебя раньше не видел.

– Мы с папой переехали, – сказала девочка. – В соседний дом.

– А почему ты не в школе?

– А ты?

– У нас был короткий день, – сказал Марк.

– Понятно. А меня еще не оформили.

– Может, мы в одном классе будем, – предположил Марк, чуть улыбнувшись.

– Ты в каком?

– Мне четырнадцать. Значит, я в девятом.

Девочка снова подняла книгу.

– Не хочешь со мной разговаривать? – спросил Марк, думая, не присесть ли ему рядом. Он представил, как незнакомка от него отодвинется, пытаясь при этом сохранить достоинство в манерах, и решил не пробовать.

– Я буду в седьмом, – нехотя ответила она.

– Так тебе что, только двенадцать?

Она покраснела, словно быть двенадцатилетней стыдно.

– Дай мне почитать, – попросила она.

– Ну чего ты... – произнес Марк и почувствовал, как из него уходит весь запал. – Извини, если помешал. Я просто познакомиться хотел. Все равно надо друг друга знать – соседи ведь.

– Меня зовут Полина, – сказала она.

– А меня Марк.

Девочка кивнула и убрала волосы, налетевшие на лицо. От внезапного порыва ветра она поежилась, сильнее кутаясь в курточку.

– Почему ты сидишь при такой погоде на улице? – спросил Марк. – Дома теплее.

– Хочу и сижу, – ответила Полина с некоторым упрямством.

– Ну да. – Марк обернулся и показал на соседний дом. – Ты ведь оттуда?

– Да, а что?

– Второй подъезд?

– Как ты догадался?

– Там больше никто не сдает жилье. Только одна квартира на весь дом была свободна. Значит, теперь там живете вы. Папа на работе, а у тебя нет ключа?

Полина захлопнула книгу, вставив между страниц карманный календарик в качестве закладки.

– Есть у меня ключ, – сказала она. – Я забыла код от домофона.

– Не страшно, я помню. Пять-три-восемь. В любом порядке.

Несколько мгновений девочка сидела на месте, затем улыбнулась и чуть отвернула лицо в сторону.

– Спасибо, – сказала она. – Посижу и пойду домой.

– Хорошо.

Марк сделал шаг к дверям в собственный подъезд, нащупывая ключи и стараясь их искать как можно медленнее. Он знал, что если сейчас уйдет, то больше не найдет в себе сил встретиться с Полиной снова. С другой стороны, зачем ему с ней видеться? О чем ему говорить с двенадцатилетней девчонкой? И все же он продолжал стоять, чувствуя, что не может найти естественных причин для продолжения разговора. Пока что ему помогал слепой случай... нет, три слепых случая. Книга, которую читали оба, забытый код от домофона и два отмененных урока в школе, позволившие ему встретить Полину. Нужно время, нужно место. Будь Марк настойчивее, он мог бы вернуться и начать разговор о судьбе – это, пожалуй, был пик, на который его теоретически могло бы хватить, хотя он сильно сомневался в своем красноречии. Быть может, он еще сможет встретить ее в школе... если подвернется еще один случай, ведь этой надеждой он лишь докажет, что предыдущих шансов ему оказалось мало.

– Если что-то понадобится, ты обращайся, – сказал Марк неожиданно для себя самого. – Квартира тридцать четыре, домофона нет. Может, захочешь обсудить книжку.

Полина открыла рот в полном замешательстве.

– Э-э-э... Ладно, – сказала она. – Спасибо.

Марк кивнул и быстро скрылся за дверью.

Только сейчас он понял, до чего колотится его сердце. Он поспешно добрался до квартиры, намереваясь как можно скорее взглянуть в зеркало и проверить, все ли у него в порядке с внешностью.

Все оказалось в норме, если не считать того, что борода так и не начала расти. Пора бы уже, но природа все не желала помогать в приобретении мужественного облика.

– Карфаген? – спросил Марк у своего отражения, ужасаясь нелепости тематики, с которой начал знакомство. – Сожжение младенцев? Дурак, ой, дурак...

Он вышел на балкон, пытаясь рассмотреть Полину внизу, но девочка уже пропала. Марк почувствовал огорчение. Ему очень хотелось посмотреть на нее в движении.

Следующий час он провел, делая уроки и попутно рассматривая в журнале страничку с рекламой, где искал ближайший к дому спортзал. Это его настолько увлекло, что он пропустил два звонка в дверь и открыл лишь на третий.

Там, почти закрывая дверной проем своей могучей фигурой, стоял взрослый мужчина. Примерно лет сорок пять, высокий, крепкий, отлично сложенный. Рано облысевший – вероятно, в ходе эмоциональных потрясений. Или просто природа такая.

– Марк? – спросил он.

– Да. Вы к кому?

Мужчина протянул руку.

– Геннадий, – представился он.

Ничего не понимая, Марк пожал ему руку, почувствовав исходящую уверенность.

– Ты в самом деле позвал мою дочь к себе домой, чтобы обсудить с ней книжку? – спросил Геннадий.

Марк стоял, тупо глядя на гостя. Прав был Николай Васильевич. Выворачивая душу человека, можно легко заставить его чувствовать себя идиотом. И Марк только что провернул эту штуку с самим собой, не оставив никаких защитных слоев.

– Да, – ответил он. – Если бы она захотела обсудить книгу, я мог бы ей помочь. Я тоже ее читал.

– Так, – согласился Геннадий. – И все? Ты ради этого позвал к себе ребенка?

– Мы почти одного возраста. И я не имел в виду ничего дурного. Ничего, о чем вы могли бы подумать.

– Парень, я служил в спецназе, – сказал Геннадий. – Поверь, я видел дурного в разы больше, чем ты можешь вообразить за свою жизнь.

– Если вы никогда не охотились на меня, то вряд ли я воплощаю это «дурное».

Отец Полины смотрел на Марка, словно мог без труда прочесть его мысли, и дело оставалось за сущей малостью – вычислить потаенные желания. Наконец он провел ладонью по лысине. Было видно, что этот жест у него означал наступившее спокойствие.

– Ладно, – сказал он. – Если что, ты не обижайся. Мы только что переехали, ни с кем не знакомы. Я должен следить, кто с моей дочерью разговаривает.

– Все нормально, – произнес Марк. – Вы правильно все делаете. Ну или почти все.

– Не понял. Объясни.

Марк вышел за дверь, прикрыв ее за собой и оставшись снаружи. Жест выглядел красивым и почти взрослым, хотя его причина была прозаичной донельзя. Марк вышел потому, что от его дальнейших слов Геннадий мог в порыве бешенства ворваться в квартиру. Но и промолчать Марк тоже не мог.

– «Почти» – потому, что вы упускаете многие важные вещи, – сказал он, и тут слова сами полились из его уст, да с такой скоростью, что Марк еле сдерживал себя. – Вы воспитываете Полину в одиночку. Я это знаю, потому что она упомянула, что переехала с отцом, ничего не говоря про других родственников. Вы видите в ней копию матери – у Полины отличные волосы, а у вас их нет. Это потому, что она очень похожа на свою маму. А вот вы общества ее мамы лишены и хотите, чтобы Полина заменяла ее хотя бы в поведении, часто забывая, что она еще совсем маленькая и мыслит иначе. Недаром вы называете ее «ребенком», словно напоминая себе об этом. Но вы после переезда не позаботились написать ей код от замка, полагая, что она сама его запомнит, хотя это для нее чуждая информация. Вы сегодня были на работе, которую нашли раньше, чем устроили Полину в школу. Заботливый отец так не поступит – надо было сначала обеспечить Полине четкий ритм жизни и уже потом искать себе место. Несколько дней тут не сыграли бы никакой разницы. Вы позволяете ей носить футболку из синтетики, что

вредно для кожи. Штаны ей велики. У нее толстая куртка, но нет никакой кофты. И вообще в цветах ее одежды нет никакой системы – вы просто купили ей первое попавшееся в секонд-хенде или на городском вещевом рынке, не думая, как это будет смотреться целиком. У нее справа сверху кривой зуб, который она скрывает, когда улыбается. Но вы любите ее такой, какая она есть, и не замечаете подобных вещей. Еще в вашей жизни редко случаются важные даты – она постоянно носит с собой календарь, в котором кружочком обведены некоторые дни. Это потому, что она ждет любого события как праздника. Она читает роман, который вы вряд ли бы ей дали, если бы читали его сами. Думаю, вы просто сунули ей первую попавшуюся книгу, которую нашли в новой квартире. Очевидно, собственных книжек у нее нет, хотя она любит читать. Стало быть, вы и ее увлечений не знаете. Вы не имеете понятия, как к ней подступиться, чувствуете, что это все для вас слишком сложно. Вас в спецназе этому не учили. И Полина хочет сама найти друзей. Она хочет еще раз поговорить со мной, о чем угодно. Потому что если бы не хотела, то никогда бы не рассказала вам о том, что встретила меня. Но она сказала и назвала номер моей квартиры. Она хочет ко мне прийти, и ей было нужно ваше одобрение... но был ли у вас такой разговор, я не знаю.

Геннадий долго молчал.

– Парень, – вымолвил он наконец. – Ты не слишком умный для своих лет?

– Увы, слишком, – вздохнул Марк. – Во всем виноваты шахматы. Можете мне поверить.

Отец Полины еще раз протянул ему руку.

– Будешь скучать – заходи в гости, – пожелал он. – Но только вечером, когда я дома.

– Зайду, – пообещал Марк, не веря своей удаче и одновременно пытаюсь понять, чему же именно он так радуется. – Спасибо, что вы мне доверяете.

– Доверяю? – удивился Геннадий. – Парень, доверие – штука серьезная, и ее надо заслужить.

– Ну да, – согласился Марк механически и захлопал глазами. – Тогда почему вы позволяете мне общаться с Полиной и даже заходить к ней домой?

Геннадий рассмеялся.

– Да потому что ты – самый адовый ботан из всех, что я встречал, – ответил он. – По-твоему, я подпущу к своей дочке альфа-самца?

Марк чувствовал себя так, словно ему только что врезали под дых. Обида нахлынула на него подобно невидимому кокону, миглом принявшемуся его душить.

– Не парься, – посоветовал Геннадий. – Поможешь дочке с уроками, мало ли. Или ты не хочешь?

– Помогу, – только и ответил Марк.

– Вот и все, решили. Загляни через недельку, мне надо будет насчет школы узнать кое-что.

– Договорились.

Марк открыл дверь, залез в квартиру и тут же заперся изнутри. Он пытался успокоиться, но обида все нарастала. И тем хуже было, что ничего такого ему отец девочки, в общем, не сказал...

Вернувшись в комнату, Марк в бешенстве смел со стола свои тетрадки, сел на стул и принялся угрюмо ждать прихода родителей.

Рекламный журнал все еще лежал перед ним. Фотографии интерьера спортзала, что был всего через пару кварталов, теперь выглядели иначе – более величественно, даже немного аристократично, словно испуская еле видимое сияние.

И дело было не в освещении.

4

*Московская Зона, первый день
16 марта 2014 г.
10:28*

Периодически проверяя сотовую связь, Марк наконец убедился, что дозвониться до Полины невозможно, и оставил эти попытки. Не лучше обстояли дела с Интернетом, к которому Марк безрезультатно пробовал подключиться в двух встретившихся ему игровых клубах – только там сейчас могло сохраниться оптоволокно, раз на беспроводную связь рассчитывать не приходилось. Один из клубов был заперт, и Марку пришлось разбить окно, чтобы туда попасть. Вопящая сигнализация его не смутила – он знал, что никто не придет. В другом клубе лежало четыре мертвых тела со следами насилия. Компьютеры были унесены, и остался только терминал администратора. Марк лишь покачал головой. Время идет вперед, но люди все еще готовы убивать за технику. Хотя он понимал, что в минуту массовой паники добыча – всего лишь повод.

Разумеется, Марк не бродил по улицам в полном одиночестве. Если не считать загадочный туман, оранжевые всполохи в небе и тому подобное, Москва напоминала саму себя в день беспорядков. Очень сильных беспорядков, ранее невиданных. Слишком самонадеянно было бы ждать благоразумия от неуправляемой толпы. Но даже какая-то активность являлась полезной. Марк допускал, что люди могут в своем большинстве остаться, ничего не замечая за окном, и заранее настроился на неотвратимость многих жертв. Защитные барьеры психики могли стать единственной профилактикой, и Марк был почти рад, поняв, что ему не придется замыкаться в глубинах сознания – в столице действительно проходила массовая эвакуация, что казалось почти чудом. Как, черт побери, можно спасти целый город, да еще такого размера? Ведь сложность заключалась не столько в организации и пропускной способности дорог, сколько в естественном нежелании людей примириться с фактом неизвестной опасности. Однако, глядя на забитые транспортом улицы с четкой регулировкой камуфлированных солдат со штурмовыми винтовками, Марк начал надеяться, что в своей массе все обойдется. Для жителей и гостей столицы оказалось на удивление просто все бросить и бежать, словно жить в Москве можно было только на чемоданах. Впрочем, Марк не знал никого, кто мог бы сказать, что привязан к Москве накрепко. Собственно, он и сам уже много лет не имел в своем кругу общения ни единого домоседа. Что было естественно, а что нет – он не мог объяснить. Туман в любом случае сглаживал всю статистику, не позволяя охватить взглядом реальное количество людей на улицах.

Странно и смешно, но, похоже, именно неверие людей в возможность падения Москвы стало тем стержнем, который не допустил массовой паники. Вероятно, когда-то не так давно та же участь постигла и Припять. Людей просто вывели из своих домов, и они ушли, веря, что вернутся. Теперь то же было и в Москве.

Марк старался думать обо всех подобных вещах, но всего лишь по одному разу. И без эмоций. Если он чувствовал, что увиденное на улице затрагивает его, отражается на самочувствии, то он выбрасывал это на задворки сознания и там отпускал на волю. Ему было не до переживаний за посторонние ошибки – подобная роскошь доступна только бездельникам. Что бы Левин ни твердил про общую ответственность за создание Зоны в Москве, Марк не чувствовал за собой никакой вины. Он отдал долгие годы на изучение кристаллов, слишком многим пожертвовал, чтобы эти кристаллы и сопутствующие знания не попали в опасные руки. Не он создавал технологии, позволявшие обойти эти попытки ограничить наступление чужеродного мира. Ему ровным счетом не о чем переживать. Начни он беспокоиться, задаваться

вопросами, сомневаться – и этот поток нарастет как снежный ком, попросту похоронив его под собой.

Другое дело, что наступит момент, и кураторы свежей Зоны почувствуют потребность в обличении виновных. Марку совсем не улыбалось попасть в их число. Он должен был найти свою подругу и исчезнуть.

И все же Марк чувствовал, что ему не мешает хоть примерно знать общее положение дел в городе. Информационный голод заставит жителей искать источники знаний в других местах, и ключевым из таких мест было радио.

В одном из разграбленных киосков Марк ненадолго задержался, пытаясь отыскать самый простой радиоприемник. Сейчас, когда они были внедрены во все существующие гаджеты, спрос на специализированные устройства отпал, так что ему пришлось потрудиться, прежде чем он нашел запаянный в целлофан китайский прибор с блестящей антенной. Еще больше времени он потратил на поиск батареек. Их отсутствие не на шутку взволновало Марка. Элементы питания народ сгреб подчистую. Если люди воруют не хаотично, а целенаправленно, то они уже примерно знают, что им может понадобиться. Готовность населения к долгой осаде в планы Марка никак не входила.

Найдя батарейки в одном из пленочных фотоаппаратов, Марк прошел от лавки еще сотню метров, завернул за угол и остановился за мусорным контейнером. Ему в любом случае требовался пятиминутный отдых, так что можно было и послушать новости.

От новостей у Марка не убавилось скепсиса. Все как обычно. Призывы властей брать набор еды на три дня и двигаться к ближайшему бомбоубежищу (интересно, много ли жителей знают, где эти убежища находятся?), на других каналах – бесчисленные ток-шоу на тему желто-зеленого тумана (допущения хуже незнания), беседы с экстрасенсами и прорицателями (очень плохой опиум для народа в текущих обстоятельствах) и тому подобное. И все же одна из частот привлекла внимание Марка.

– Да, да, все верно, – с оживлением говорил голос со слабым акцентом. – Для тех, кто только-только пришел на этот канал, повторяем. Мы – сталкеры! Меня зовут Тигран, рядом мой брат Геворг, и мы захватили эту станцию! Но не с тем, чтобы сеять смуту, а с тем, чтобы ее развеять! Мы расскажем вам, что происходит в Москве, и поможем вам выжить! Вы можете звонить нам по этому городскому номеру...

Марк рассмеялся и хлопнул себя по колену.

– Молодцы, мужики, – вымолвил он, не скрывая улыбки. – Помогайте, давайте. Расскажите людям о Зоне. А у меня дела...

Убавив громкость, Марк спрятал приемник в нагрудный карман и возобновил путь.

5

Киев, Шевченковский район

28 июня 2003 г.

17:02

– Привет! Вот я тебя и нашла.

Погруженный в мрачные мысли Марк вздрогнул от прикосновения к плечу. Полина села рядом с ним, глядя на его обеспокоенное лицо.

– Что случилось? – спросила она. – Я видела тебя на вручении, махала из зала, а ты не подошел.

– Извини, – проговорил Марк, вертя в руках аттестат об окончании школы, словно тот действительно был пропуском в светлое будущее. – Слишком много всего случилось... Я хотел побыть один.

– Понимаю, – кивнула девушка. – Когда мои мама с папой развелись, я месяц в подушку редела. Тяжело сразу привыкнуть.

– У тебя долго к этому шло. А у меня все случилось неожиданно. Слишком быстро. Я ничего не смог предугадать. Не ожидал совсем, честно.

– Ты зол на них?

– Не на них. На себя. Я должен был догадаться.

– Как о таком можно догадаться? – спросила Полина. – Когда родители разводятся, ты в это не веришь, даже если они тебе прямо говорят об этом.

– Да, я понимаю. Семья – не формула, чтобы по ней людей строить.

Полина отвернулась.

– Ты всегда все анализируешь, – произнесла она. – Люди – не калькуляторы. Мы не созданы, чтобы вычислять. Если нам плохо, то нам плохо, и в этом нет ничего такого.

– Ты права. Я просто пытаюсь понять, что мне делать дальше.

– Где ты будешь жить?

– Там же, где сейчас. Квартиру они оставляют мне. И еще дачу с участком, гараж, мебель, посуду и книжки со счетами. Мне скоро восемнадцать, как раз будет время прийти в себя.

– Понятно... А сами они где жить будут?

– Со своими новыми семьями.

– Они все равно твои родители. Никогда про это не забывай.

Марк ничего не ответил.

– Ты не хочешь жить один? – спросила девушка.

– Не хочу.

– Скоро будешь совсем взрослым, – сказала она неуверенно. – Жениться сможешь.

– Да, построить семью на оставшемся в наследство фундаменте – предел моих мечтаний. Показатель мужчины прямо-таки. Работы не имею, база нулевая, и все, что я умею, – выстраивать причинно-следственные связи. Еще могу отличить Каркасом от Карулли.

– А что ты хочешь? Работать топ-менеджером после школы? Так не бывает, Марк. Все приходит со временем. Надо только уметь ждать.

– Ждать... Может, лучше что-то делать, а не ждать?

– Да что ты меня спрашиваешь?! Делай что хочешь! Нить только не надо.

Коротко кивнув, Марк спрятал аттестат.

– Извини, – вымолвила Полина. – Я не хотела тебя обидеть.

– Ты меня не обидела.

– Точно?

– Ты переедешь ко мне?

– Я... Что? Что ты сказал?

Марк посмотрел ей в глаза.

– Переезжай ко мне, – предложил он.

У меня теперь большая квартира.

– Зачем? – спросила Полина, хлопая ресницами. – Зачем мне жить у тебя?

– А почему нет? Мы видимся каждый день и проводим вместе большую часть времени.

Я предлагаю упростить нам жизнь.

Девушка закашлялась, затем взяла себя в руки, глядя чуть виновато, словно слова Марка показались ей смешными. Но он знал, что рассмешить такое предложение ее не могло.

– Это было внезапно, – призналась она.

– С моей стороны – не было. Я все обдумал.

– Ты же только что сказал, что не готов к тому, чтобы строить семейную жизнь. Чего-то там тебе не хватает...

– Да. А ты ответила, что все в порядке. И я с тобой согласился. В одиночестве я постоянно буду считать, что мне чего-то не хватает. Буду все откладывать на завтра, а если успею сделать сегодня, то останусь этим недоволен. В твоей компании я забываю про всю эту чушь. Становлюсь... самим собой. Могу смириться с ходом своей жизни.

– Марк, это все равно странно слышать. Как ты представляешь нашу жизнь? В каком качестве ты хочешь видеть меня у себя дома?

– В естественном, – ответил Марк. – Мы с тобой два года знакомы, никого из себя друг перед другом не строили. Не морочили головы вопросами «друзья или встречаемся». Просто жили и стали одним целым. Я не говорю, что тебе надо будет лечь ко мне в постель. Клянусь, что для меня это не главное, хотя ты знаешь, что я этого хочу. Я очень люблю тебя. Но в первую очередь – уважаю. Потому и предлагаю съехаться. И уже затем решать, чему следует случиться, а чему – нет.

Полина смотрела на дорогу, словно пыталась прочесть там объяснение происходящему. Марк понимал ее чувства. В книгах, которые она читала, песнях, которые слушала, фильмах, которые смотрела, ничего не говорилось о подобных предложениях. Не мог ей о таком рассказать и отец. Возможно, когда-то говорила мама, но в давно забытом и устаревшем смысле.

– Я знаю, что твой папа пытается устроить свою личную жизнь, – сказал Марк. – Два года сильно его изменили. Он постоянно ждет, когда ты станешь совершеннолетней и выскочишь замуж. Пусть тебе до совершеннолетия еще далеко – я все равно надеюсь, что ты правильно меня поняла.

– Тебя – да, правильно, – вымолвила Полина. – И я верю тебе. Верю, что ты говоришь честно. Просто это какой-то дурацкий и нелепый мир.

– Ты о чем?

– О том, что за мной ухлестывали четыре раза только в этом месяце. Два мальчика из моего класса, один из параллельного и еще какой-то из другого подъезда. Кто-то из них звал сходить с ним в клуб. Другой предложил выпить чего-то там. А двое тупо сказали, что хотят секса, и спрашивали моего согласия.

– И что ты им ответила? – спросил Марк, улыбаясь.

– Что ты найдешь их и зароешь, если будут дальше приставать к маленьким.

– Да ну? Так и сказала?

– Если бы мы с тобой жили вместе, я дала бы им именно такой ответ.

Марк внимательно обдумал ее слова.

– Мне это льстит, – признался он.

– Так вот, я сейчас сию и чувствую себя полной дурой. Сказать почему? Потому что те четыре предложения переспать с незнакомыми и неинтересными мне парнями я, конечно,

отвергла, но посчитала чем-то нормальным, естественным. Такое случается, ничего странного в этом нет. Они подкатили, я отшла. Все хорошо, прекрасная маркиза. А вот когда самый близкий мне друг, которому я безмерно доверяю, предлагает мне жить у него и при этом говорит, что постель не обязательна, я теряюсь. Вот почему так?

– Я обожаю тебя, Полинка, – сказал Марк.

– Я тебя тоже. Но принять твоё предложение не могу, извини. Не потому, что отвергаю его. Мне просто нужно время, чтобы поверить, что такие предложения бывают.

Полина обняла его и поцеловала в щеку.

– Пусть все останется как есть, – попросила она. – Пожалуйста. Пусть пройдет время.

– Хорошо, – согласился Марк. – Все останется как есть. Договорились.

– Знаешь, а папа мой давно верит, что мы трахаемся, как кролики.

– Вот оно что.

– Ага. Интересно, он будет против того, чтобы мы съехались?

– Думаю, он скажет, что давно пора. Давай его спросим?

– Не спеши. – Полина положила голову ему на плечо. – Не надо... Я хочу просто сидеть вот так и любить жизнь.

6

*Московская Зона, первый день
16 марта 2014 г.
14:36*

Здание клиники Марк узнал безошибочно, хотя никогда его прежде не видел. Он не был склонен искать во всем символы, но сейчас ассоциативные связи его не обманывали. Некогда пристойное лечебное заведение было покрыто копотью и множественными трещинами. Колонны, украшавшие фасад, наполовину осыпались, демонстрируя отвратного вида армированные стержни, словно давая понять, что всегда были не более чем декорациями, призванными скрыть топорную, скороспелую работу. Но самым примечательным моментом, без сомнения, было сборище вооруженных преимущественно подручными средствами людей, собравшихся у входных дверей «Альстромеры» и пытавшихся проникнуть внутрь.

Сначала Марк не понял, почему это им до сих пор не удалось. Хотя клиника почти принадлежала Центру Аномальных Явлений, она вряд ли являлась крепостью. Приглядевшись, Марк разглядел решетки на окнах первого этажа – прочные, надежные, не в пример лучше фасада. Их явно вставили недавно и на совесть. Может, бывший директор ЦАЯ, старина Мирослав, ожидал массового поступления VIP-пациентов и решил принять меры на этот счет?

Левую сторону здания больницы уродовала широкая дыра, охватывавшая перекрытие между первым и вторым этажами. Приглядевшись, Марк заметил колыхание воздуха напротив нее. Аномалии добрались и сюда, и одна из них выжрала солидный кусок стены, обустроив готовое приглашение для мародеров. Сейчас где-то напротив нее парило облако из бетонной крошки. По странному случаю никто пока что не сделал попыток проникнуть в больницу через эту дыру. Обычно всех в таких случаях останавливали истерзанные трупы. Первые сталкеры распознавали аномалии именно по признакам такого рода. А болты и детекторы пришли уже позже. У Москвы все было еще впереди.

Рассматривая клинику, Марк заметил краем глаза характерный блеск на крыше здания и тут же отвернулся. Туман еще не добрался до этих мест, и при таком освещении и ракурсе подобный отсвет мог дать только оптический прицел. Не было возможности отпрыгнуть за укрытие, так что Марк сделал единственное, что мог, – притворился, что не заметил никакого блеска, и решил вести себя естественно.

Хотя что может быть тут естественным? Ему так или иначе требовалось заговорить с группой собравшихся тут оборванцев, если он хотел найти способ пробраться в клинику без потерь. Не пытаться же всех их перестрелять, в самом деле...

– Салют, братва, – сказал он, постепенно приближаясь и держа руки на виду. На него не обратили особого внимания. Пара человек едва удостоили его взглядом и вернулись к жаркому обсуждению. Пользуясь тем, что его никто не гонит, Марк решил пока постоять рядом и послушать.

– ...Никто там не станет держать «дурь», – уверял хрипло дышащий дядька в каске строителя. – У них там правила.

– Какие правила? – мотнул головой другой, в красной кепке. – Всем сейчас положить на правила! Если там охранять нечего, то на хера заперлись?

– Так, давайте не ругаться, – попробовал всех урезонить третий, в самодельной, но хорошо изготовленной черной балаклаве с прорезями для рта и глаз. – Раз закрылись, значит, были причины.

– Чего не открыть-то? – не успокаивался Строитель. – Все равно ведь знают, что вскроем их как банку ножом. Чего время тянуть?

Красная Кепка лишь сплюнул.

– Спокойно, – проговорил Балаклава. – Они, может, нас сейчас слушают. Ни к чему пугать людей...

Марку все было ясно. Здесь не одна вооруженная группа, а две. Вряд ли больше, поскольку тут всего человек одиннадцать. Кепка и Строитель – члены какой-нибудь рабочей бригады, возможно, гастарбайтеры, воспользовавшиеся случаем наворовать наркоты из ближайшей больницы. Возможно, они работали на том самом здании по соседству, которое сейчас гордо реяло в горизонтальном положении метрах в пятнадцати над землей. Вероятно, мощная гравитационная аномалия вырвала недостроенный дом с фундаментом, не давая упасть. Марк мог только догадываться, как это зрелище влияло на неподготовленные умы простых людей.

Что касалось Балаклавы, то тут все было намного хуже. Хотя он имел немалый лишний вес и не походил на воина, за его поясом висел старый пистолет, а позади стояли человека три, нервно озирающиеся по сторонам. Качество маски говорило о том, что это не первая маска в его жизни, сшитая собственноручно. Это явно были представители одной из многих московских сил, временами приравнивавших себя к политическим. Спокойные как удавы, пока не вступят в агрессивный митинг, перерастающий в погромы, после чего удавы превращаются в гиен. Зачем им понадобились наркотики – вопрос уже другой. Вероятно, для задабривания толпы в одном из городских восстаний, в наступлении которых Марк не сомневался. Разумеется, из столицы сейчас эвакуировались только те, кто этого хотел. Те, что остались, были из совсем другой социальной категории.

– Давайте просто решетку вынесем, – предложил Строитель. – Болгаркой возьмем.

– Можно, – кивнул Балаклава. – Но не нужно. Только людей внутри напугаете.

– Чё ты так ссышь, что они там в штаны наложат? – спросил Кепка. – Тебе не по фиг?

Марк знал ответ. Балаклаве не было по фиг. Он действительно не хотел, чтобы персонал больницы нервничал раньше времени. Наверняка он вообще не планировал выпускать никого из больницы, равно как и оставлять живых свидетелей. Дилетант в маске обычно считает себя неуловимым анонимом, и его поступки полны сбоев, ошибок и непредусмотренных последствий. Опытный же убийца не доверяет никакому правилу, кроме молчания мертвых. Если люди внутри больницы успокоятся, то у Балаклавы оставался шанс, что они откроют двери добровольно и тем самым упростят ему задачу. Но и мараться Балаклаве не хотелось, когда была возможность предоставить всю грязную работу случайно подвернувшемуся мужикам. Плохо. Очень плохо.

Единственным выходом для Марка было столкнуть обе группы между собой, но... он не был уверен, что Кепка и Строитель действительно намерены сделать что-то злое с обитателями «Альстромеры». Потому и подставлять их ему не хотелось.

– Мужики, может, я предложу другой вариант, – сказал Марк. – Я видел, там сзади в стене дыра. С того холма можно до нее допрыгнуть. Если тут есть кто-то гибкий...

– А тебе какой интерес? – спросил Балаклава.

– Вода, – ответил Марк первое, что пришло в голову, и тут же стал развивать мысль. – Я сейчас в городе никакой воде не доверяю. А без нее не выжить. В больницах вода надежная.

Он честно посмотрел Балаклаве в глаза, стараясь выглядеть максимально убедительным. Пусть его принимают за психа, лишь бы не подумали, что ему в больнице нужен конкретный человек.

– Да, мы видели дыру, – сказал Балаклава неожиданно мягким голосом. Для него Марк являлся лишним параметром в уравнении, которого следовало исключить как можно скорее и тише. – Только туда лучше не лезть.

– Почему? – спросил Марк. – Там же никого нет. Возьмем доски, сделаем мост и...

– Аномалия там, – ответил Балаклава. – Не слышал такого слова? Короче, не лезь туда. Но если хочешь, то можешь попробовать. Я не пролезу, мне трудно будет. Может, ты и прав.

Марк сжал губы. Такого поворота он не ожидал.

Балаклава распознал аномалию без приборов. Он отлично знал, как вести себя с радио-активным мясом вроде случайных людей, которых нужно мотивировать пролезть впереди себя в опасное место.

Балаклава был сталкером.

Очень плохо.

7

Киев, Шулявское кладбище

11 июля 2006 г.

15:46

Ступая на территорию кладбища, Марк чувствовал себя так, словно заходит в некую тестовую камеру, в которой цель испытания нужно найти самому. Очень странно быть в месте, где зарыт пустой гроб с именем твоей любимой, когда ты не знаешь, жива она или нет.

Возле могильного камня стоял Геннадий Тучка. Горе, усилившееся со вчерашнего дня, скрутило его, ссутило, удвоило морщины, не дав взамен ничего. Но он по-прежнему выглядел как взрывоопасный заряд, пусть и с вырванным фитилем, не знающий, куда направить взрывной импульс.

– Добрый день, – сказал Марк, держась на почтительном расстоянии.

Геннадий кивнул.

– Я вижу, что кто-то был здесь, кроме меня, – произнес он. – Птицы склевали крошки, но что-то осталось.

– Да.

– Это ты здесь был утром?

– Да, я.

– Зачем ты пришел снова?

– Я не уходил, – ответил Марк. – Я бродил рядом.

Отец Полины махнул ему рукой, приглашая подойти. Жест выглядел почти царственным, не будь за ним столько боли. Это было словно запоздалое принятие в семью. Марк подошел, и Геннадий, не касаясь его, опустил руку, сжимая дрожащие пальцы в кулак.

– Мне приходилось видеть пустые гробы, – сказал он. – В местах, где я... не важно. Там, где я был, если ты хоронишь человека, не видя его мертвым, то ты примиряешься с тем, что его больше нет. На войне не верят в пропавших без вести. Есть только жизнь и смерть – и ничего между ними. А сейчас разве война?

Марк не знал, что ответить. Даже если бы знал, то ничего не сказал бы. Геннадий хотел возвращения дочери, и Марк ничем не мог заполнить его пустоту.

– Вчера приехали родственники, – сказал Геннадий. – Половину я знать не знаю... Кто-то нянчил Полину, когда была совсем маленькой, еще кто-то там ее крестил, а я даже этого не знаю. Но то было вчера, а сейчас... Марк, ты представляешь? Они сидят в нашей квартире прямо сейчас и просто пьют. Никто со мной утром не поздоровался. Все глаза прячут. Винят, что ли?

– Нет, – поспешно сказал Марк. – Вашей вины тут нет никакой.

– Я позволил ей поехать на эту экскурсию... Что там взорвалось, нам не скажут никогда.

– Вы ничего не знали. Никто не знал.

– Марк...

– Что?

– Ты хороший человек.

– Вы тоже.

Геннадий заплакал. Марк смотрел на могильный камень, не шевелясь.

– Нужно мне было больше приветствовать вашу любовь, – говорил Геннадий, утирая слезы. – Я знаю, ты отговаривал ее от поездки. Нужно было, чтобы она тебя послушала. А она не захотела... потому что я советовал ей спорить с тобой. Отстаивать свое мнение. Я думал, ей надо больше независимости. Но она лишь ребенок... А ты... ты мог бы...

Несмотря на всю неоднозначность ситуации, Марку стало обидно. Он хотел было сказать несостоявшемуся тестю, что не было никакой запретной страсти, что он не влезал к Полине на балкон под покровом ночи. И что у них за все годы не было даже нормального поцелуя. С Полиной он уже испытывал все, без чего жить не мог, и этого ему было достаточно, чтобы не рисковать, пытаясь перевести их отношения на новый уровень.

– Я не смирюсь, – сказал Марк. – Если бы я точно знал, что ее больше нет, то попробовал бы. Но не зная ничего...

– Марк, не надо. Успокойся уже.

– Нет, – покачал головой Марк. – Я не был на войне, и мне нужно что-то большее, чтобы поверить в смерть, которую я не видел. Вы не переубедите меня. Но кое-что вы можете.

– Что?

Марку очень хотелось ответить честно. Высказаться целиком, как при первой встрече с Геннадием. Научите меня рукопашному и огнестрельному бою, потому что я не верю в смерть вашей дочери, и я переверну мир, чтобы найти ее, живую или мертвую. Потому что я начинаю тараторить как диктор на разминке при вашем присутствии, так как сильные и быстрые мужики с опытом военных действий воспринимаются мною как потенциальные противники, обостряют мои чувства и импульсы, увеличивают скорость реакции, пробуждают во мне воина. Потому что все сложнейшие перипетии реальной жизни, которые в обычное время давят на меня, при наличии загадки и опасности превращаются в шахматную комбинацию, которую мне вполне по силам расколоть. И помочь мне можете только вы, поскольку между нами есть тесная связь – мы любили одну и ту же девушку, для которой были всем ее миром. Мне понадобится вся ваша поддержка, весь ваш опыт, чтобы пойти в Зону и найти там ответы. Без вашей дочери и без вашей помощи я проживу свой век аморфной массой, сидя в квартире, доставшейся после развода родителей, просиживая штаны в офисе, поедая чипсы перед компьютером и играя в «Варкрафт». И непонятный черный кристалл, найденный мною у границы Зоны, никогда не раскроет передо мною своих секретов.

– Вы можете пойти домой, разогнать всех, кто пытается нажиться на вашем горе, и просто поспать, – произнес Марк. – Завтра вы сами поймете, что делать и как дальше жить. Звоните мне каждый раз, когда захотите поговорить о ней.

Повернувшись, Марк пошел прочь, чувствуя, что все сделал правильно. Со временем он добьется своего. А пока что надо оставить отца подруги наедине с собой.

8

Московская Зона, первый день

16 марта 2014 г.

14:47

– Не пойдешь? – спрашивал Балаклава.

– Нет, – мотнул головой Марк. – Лучше подожду, пока вы двери откроете.

– Да чё тут болтать?! – заорал Кепка. – Время теряем!

Схватив с земли до этого не замеченную Марком кувалду, он размахнулся и ударил по металлическим дверям. Те издали оглушительный звон, но не поддались. На месте удара появилась свежая вмятина. Рядом с ней виднелись еще следы ударов.

Послышался рев двигателя на низкой передаче. Все обернулись. К ним подъезжал старый эвакуатор с пробитым задним колесом.

– О, Саня едет, – обрадовался Кепка. – Сейчас вырвем эту хреновину, и все.

Он еще раз ударил кувалдой по дверям, уже скорее для задора.

– Что за Саня? – спросил Балаклава. – Почему не сообщили?

– Зачем тебе что-то сообщать? – удивился Строитель. – Ты нам не начальствуй тут. Иди маской своей гопников пугай.

Марк отошел в сторону, не мешая эвакуатору подобраться ближе. Мужики начали проворно наматывать крюк эвакуатора на широкие дверные скобы. Балаклава смотрел на все это, не говоря ни слова. Его рука легла на рукоять пистолета.

– Разве сталкеры так поступают? – спросил Марк.

– Что? – Балаклава моргнул и отступил. – Ты кто такой?

– Убери руку с пистолета, – пригрозил Марк.

При реве мотора остальные мужики его не слышали. Балаклава смотрел на него, не решаясь сделать следующий шаг. Марк знал, какие сценарии разворачивались у него в голове.

В Зоне конфликты вооруженных сторон обычно заканчивались стрельбой. Но только если сторон было две. Если их три – все предпочитали разойтись миром. С другой стороны, Зона представляла собой замкнутое пространство со своими пищевыми цепочками. В Москве же, при сложившихся обстоятельствах, сойти с рук могло практически любое убийство. До этого момента Балаклава верил, что только он один об этом знает. Теперь же он понимал, что не контролирует ситуацию. Если сталкерство в его душе не окончательно умерло, он сообразит, что при таком количестве внезапных факторов лучше просто повернуться и уйти. Марк решил, что не мешает ему помочь принять решение. Какое угодно, лишь бы не затягивать момент.

– Знаешь, чем хороши маски на лицах? – произнес он. – Вас проще убивать. Когда не видишь лица, спустить курок не составляет труда. Единственное, что показывает личность в человеке с маской, – это глаза. Но после Зоны они у всех нас одинаковые.

Рука Балаклавы снова дернулась к пистолету. Его подельники наконец поняли, что что-то не так, и напрялись. Марк быстро расстегнул молнию на груди и вытащил автомат – в тот самый момент, как эвакуатор за его спиной выдернул дверные ручки из креплений. После этого и мужики заметили оружие.

– Все к стенке, – проревел Марк, держа всех под дулом автомата. – Буду валить наглухо!

– Не будешь! – крикнул Балаклава. – Патронов на всех не...

Он выхватил пистолет, и Марк нажал на спуск.

Балаклава совершил катастрофическую для себя ошибку.

Нельзя оставаться сталкером наполовину. Эта мысль охватила сознание Марка, пока он смотрел, как массивная туша Балаклавы падает навзничь, пораженная пулями. Ты либо стал-

кер, либо нет. Ты либо осторожен, не провоцируешь людей на конфликты, не плодишь врагов, не сомневаешься в смертоносности маленького укороченного автомата в руках неизвестного, просчитываешь ситуацию на много ходов вперед – либо смотришь на мир глазами гражданского, который имеет право на ошибку и, зная о своем ограничении, не ищет опасностей. Но нельзя, черт побери, пытаться совмещать вызовы первых с наивностью вторых. Балаклава, возможно, не был глуп. Может быть, он когда-то был чертовски хорош. Однако он попытался смешать два несовместимых мира. Вышел на передовую с оружием, но в последний момент повел себя как напуганный зритель из толпы, считающий, что картонный барьер его спасет. Прежде чем тело Балаклавы упало на землю, Марк успел трижды поблагодарить небеса за то, что его не постигла та же судьба. Любой сталкер после Зоны ходил по лезвию.

И все же это был еще не конец. Мужики со стройки быстро разбежались, но соратники Балаклавы оказались более отмороженными, чем их шеф. Они синхронно выхватили пистолеты, бросившись на землю и стреляя куда попало, рассчитывая напугать противника, дезориентировать его. Марк на это не купился. Он уже по их поведению понял, что парни не были в Зоне и вряд ли слышали о ней прежде. Обычные городские идиоты. Но – идиоты с оружием.

К тому времени, как раздались их выстрелы, Марк уже находился за эвакуатором. Он просунул автомат под днищем грузовика и выпустил несколько пуль. Ни одна не попала в цель. Это было бы слишком хорошо.

В этот момент с крыши «Альстромеры» послышались громкие хлопки. Марк, до этого державший в памяти виденный ранее блеск оптического прицела, направил дуло вверх. Источником хлопков был глушитель на штурмовой винтовке, похоже. Кто бы ни стрелял, он не был врагом – в противном случае он проявил бы себя намного раньше, еще до активности Марка. Вероятно, охранник клиники – учитывая ее связь с ЦАЯ, Марк не удивился наличию у охраны оружия с тактическими модулями вроде глушителя.

Прошла целая минута без новых звуков, прежде чем Марк понял, что остался один на поле боя. Он обогнул эвакуатор с другой стороны.

Тела мертвых соратников Балаклавы лежали здесь же. В голове каждого было по пуле.

Повернувшись, Марк посмотрел на крышу клиники. Никого не было видно. Стрелок сделал свое дело и скрылся.

В следующий момент послышался звук отодвигаемой мебели. Одна из дверей «Альстромеры» открылась, со скрежетом провернувшись на петлях. Марк опустил автомат, ожидая увидеть стрелка. На его душе немного потеплело. В него не выпустили пулю, ему открыли дверь. Значит, его приняли за своего.

Наружу вышла Полина, и Марк застыл на месте.

– Привет, – вымолвила девушка, держась за стену. – Я в порядке. Я не ранена.

Подойдя к ней, Марк заключил ее в объятия, и она разрыдалась у него на плече.

– Все хорошо, – проговорил Марк, стараясь держать ее так, чтобы она не видела мертвые тела. – Все закончилось, я с тобой.

– Марк, нам нужно уходить, – сказала Полина, шмыгнув носом. – Я все расскажу, но нам надо идти... прямо сейчас.

– Да, конечно. – Марк убрал слезинку с ее щеки. – Что с людьми, которые внутри?

– Ничего, они все ушли. Я одна тут.

– Ушли? Как это ушли? Куда?

Девушка протянула ему непонятные предметы, которые до этого прятала в ладони. Марк взял их и уставился на два жетона.

– Нам нужно взять машину и ехать в Арханово, на север, – проговорила Полина. – Там нас встретят и помогут выбраться.

– Что? – не понял Марк. Он с опаской посмотрел Полине за спину, но в больнице, похоже, и впрямь никого не осталось. – Мне надо поговорить со стрелком. Мне тут кто-то помог, и...

– Марк...

– Что?

– Это был Борланд.

Марк открыл рот, но ничего не сказал.

– Не ищи его, он уже далеко, – сказала девушка. – Передал жетоны и сказал, что нам надо послезавтра быть на какой-то базе, где нас будет ждать самолет...

Обогнув ее, Марк вбежал в холл больницы, озираясь по сторонам.

– Марк? – позвала его Полина. – Мне больно стоять... Уведи меня, пожалуйста!

– Да, конечно. – Марк вернулся к ней. – Извини, просто это было неожиданно. Борланд был здесь? Почему он не поговорил со мной? Что тут случилось?

Глаза Полины снова увлажнились, и она вытерла их рукавом.

– Какая разница? – произнесла она. – Зачем тебе вечно надо все знать? Почему ты не можешь просто быть... счастлив?

Вопрос прозвучал настолько неуместно, странно и нелепо, что наделил Марка знакомым состоянием загадочного покоя, переходящим в целительное безразличие ко всему, кроме Полины. Глядя на девушку, он понимал, что каждый миг, когда ее не было рядом, он безумно скучал именно по таким простым вопросам, которые сами по себе рушили все математические схемы, что много лет мешали ему жить и любить без анализа. Мир был слишком сложен и непредсказуем, чтобы пытаться победить его, и Полина не могла помочь ему выиграть все войны – однако могла дать достаточное умиротворение, чтобы он от этих войн отказался.

– Тогда давай найдем теплую, мягкую машинку и уедем отсюда, – сказал Марк. – А ты мне все расскажешь по дороге. Хорошо?

9

Старая Зона, место засекречено

4 марта 2011 г.

05:44

– Подъем, новичок, – послышался шепот, но его источник был достаточно близко, чтобы Марк безошибочно определил, где находится голова говорившего, и ткнул в нее дулом пистолета.

– Эй, спокойно! – Молодой парень, почти пацан, испуганно отскочил от Марка. В руке он держал пачку сухариков, предназначенных служить закуской для пива, и несколько штук просыпались на пол.

– Больше никогда так не делай, – проговорил Марк, поднимаясь с гамака и убирая пистолет в кобуру на поясе.

Со вчерашнего вечера комната в этой берлоге не изменилась. Заднее помещение сталкерского бара, когда-то служившее складом для всякого барахла, было переработано в некое подобие ночлежки, в которой могли поместиться человек сорок. Повсюду висели грязные гамаки, пол устилали порванные матрацы. Кроме стола с двумя лавками, на котором лежали столярные инструменты, в комнате не было другой мебели. И сейчас все койко-места пустовали. Сталкеры без причины по лежкам не валяются.

Марк взглянул на часы на запястье. Почти шесть утра. Меньше часа до выхода с проводником.

– Как ты ствол пронес? – спросил парень, хрустя сухариками. – Их же торговец выдаст только перед выходом.

– Я не откажусь от того, что он мне выдаст, – сказал Марк. – Давай на этом закончим.

– Ты идешь с Бергамотом, да? Сдавать экзамен?

– Слишком много вопросов. – Марк проверил свой рюкзак и застегнул лямки покрепче. Парень потер руки о штаны и протянул Марку ладонь.

– Меня зовут Орех, – сказал он. – Будем знакомы.

– Если хочешь. Я Марк.

– Что за погоняло такое?

– Это мое имя. – Марк забросил рюкзак за спину, убедился, что он не мешает двигаться.

– Оставь шмотки, – посоветовал Орех. – Тут никто их не возьмет. Здесь не воруют.

– Я знаю. Я тут больше двух недель.

– Так долго? – удивился парень. – Я раньше тебя здесь не видел.

– Потому что я здесь не за тем, чтобы дышать местными портянками, которые сушит братва. В барах не тусуюсь.

Орех сунул в рот еще горсть хрустящих сухарей и убрал в карман опустевшую упаковку. Видимо, он ничего не выбрасывал. Или же успел выучить важное сталкерское правило: «не мусорить». Марк это внутренне одобрил. Его новый знакомый постепенно настраивался на выход в Зону – настоящие дебри, полные опасностей, где лучше не отходить от сталкерских троп без проводника. Бергамот был как раз таким – по слухам.

Вот только Марку никакие проводники не были нужны. Зато он нуждался в людях, способных помочь ему добраться до центра Зоны. Будет забавно, если придется вербовать молодняк вроде Ореха. Но на такое Марк, конечно, не пойдет.

Орех тем временем хлопнул Марка по плечу.

– Пора, – сказал он с энтузиазмом. – Бергамот уже, наверное, ждет.

– Где? Разве он не придет сюда?

– Ага! – Орех радостно наставил указательный палец в Марка. – Как я тебя подловил, а? Значит, ты реально на тест Бергамота пришел. А не хотел признаваться.

Марк коротко усмехнулся.

– Все тут проходят тесты на выживание, – сказал он. – Когда-нибудь пришлось бы и мне.

– Я уже прошел «природный» тест, – похвастался Орех. – Это значит, что могу распознавать аномалии и обходить их. Сегодня будет «боевой». Буду отстреливаться от мутантов. А тебя со мной на «природного» возьмут, так что смотри во все стороны.

– Что тебе дадут эти тесты? – спросил Марк, выходя из домика наружу через заднюю дверь. Изуродованные деревья все еще сохраняли подобие листвы. По местным меркам это был почти оазис.

– Э-э, в смысле? – не понял Орех. – Это как?

– Ты думаешь, достаточно выжить в одной аномалии и отстреляться в одном бою, чтобы получить иммунитет к ним на все последующее время?

– Нет, конечно, – смутился Орех, но тут же нашел довод в свою пользу. – После тестов мне будут задания, за которые достойно наградят. Большими деньгами или хорошим оружием. А то и на мутанта пошлют охотиться. Только сначала мне надо доказать, что я достоин.

– Я понял, – сказал Марк, переступая через древний фундамент деревенской кирпичной недостройки. – Хорошая система.

– Точно? Ты так думаешь?

– Если ты сам сомневаешься, то почему согласился на нее? Тебе так важны задания, на которые тебя пошлют?

– Не, я не сомневаюсь, но...

– То есть тебе просто нужно мое одобрение. – Марк взглянул на Ореха внимательнее. – Ты видишь меня впервые и уже хочешь, чтобы я одобрял все, что с тобой происходит. Орех, да? Ты понимаешь, к чему это тебя приведет?

– К чему?

– Со временем ты станешь делать лишь то, чего от тебя ждут все. Без исключения. Расплещешь свою личность тонким слоем, променяешь ее на интересы толпы. Зачем тебе это надо? Ты сюда вообще зачем пришел?

Орех долго молчал, затем спросил с напором:

– А ты?

Марк посмотрел поверх его головы на дальнюю избушку. Убежище проводников, оплот надежности и социального неравенства. Кто сможет совместить первое со вторым и принять в комплексе, тот станет по местным меркам почти начинающим сталкером.

– Мы друг друга поняли, – сказал Марк. – У каждого есть право на секрет. Ты меня не знаешь, и я тебя не знаю. Давай не будем это менять, хотя бы сегодня. Может, этот день что-то прояснит.

Орех пожал плечами, но было видно, что он слегка расстроен.

– Да, – сказал он. – Как хочешь. Может, ты и прав.

Из дома проводников вышел худой человек, уже в возрасте. Он неторопливо закурил, глядя на новичков с недоверием.

– Пошли, – сказал Марк. – Нас тут уже изучают.

– Ты про Мифуну? Он хороший проводник. Не такой, как Бергамот, но водить начал раньше.

– Спасибо, буду знать.

Марк собирал любую информацию. Похоже, что Орех мог бы стать неплохим источником.

Проходя через деревянный порог, Марк кивнул Мифуне. Тот не ответил, только напряженно сверкнул глазами и предупредительно посмотрел на Ореха. Молодой парень, похоже, ничего не понял.

В доме уже находились двое. Немного унылый сорокалетний мужик в потрепанном туристическом прикиде и сам Бергамот. Марк не видел проводника раньше, но безошибочно угадал, кто именно из двоих им является. Бергамот был лет на десять старше унылого сталкера и внушительнее настолько, словно прожил сотню жизней. Как только в голове Марка родилась эта характеристика, он принял ее за базовую в описании проводника – Бергамот явно видел в Зоне больше, чем сотня менее удачливых сталкеров в разные годы.

Поэтому Марк не вызвал у него ни малейшего интереса.

– Явились, – прогремел проводник. – Отлично. Орех, Марк, Пластун. Вы – моя команда на сегодня. Привыкайте.

«Уже привык», – подумал Марк. Между ним и Полиной было несколько километров смертельно опасного пространства, аномалий, мутантов, бандитов, один непроницаемый барьер и нескончаемая куча допущений, случайностей и, вероятно, относительно мелких неудач, которые ни в коем случае было нельзя переводить в катастрофы. Он не знал, какой шаг на этом пути станет последним, но первый начинался прямо сейчас.

– Я – ваш человек на сегодня, босс, – сказал Марк. – Командуйте.

Орех и Пластун уставились на него. Бергамот довольно хмыкнул.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Значит, слушайте сюда. Есть куча способов откинуть копыта в Зоне...

10

Московская Зона, первый день

16 марта 2014 г.

14:24

– И мы продолжаем принимать звонки от всех, кто ищет своих родных и близких. – Радио на стене третьего этажа «Альстромеры» тихо трещало, проглатывая некоторые частоты. – Мы попробуем зачитать все просьбы, только в первую очередь огласим обращения сталкеров, потому что именно сталкеры помогут вам выжить. Мой брат по крови Тигран сейчас сидит у телефона, принимает звонки и все записывает. А я приступаю к списку звонков от наших братьев по духу. Итак: бродяга по кличке Валенок ищет своих корешей и говорит, что нашел нычку на ВДНХ. Там он оставил вешки, и если Валенок в самом деле ваш друг, то сразу заметите их и поймете, где эту нычку искать. Дальше. Сталкер Парнокопытный сообщает, что на зданиях бизнес-центра – ну, таких здоровых небоскребах – гуляет вертикальная аномалия, похожая на «жарку», только намного опаснее. Так вот, там снизу кажется, будто стальные опоры превратились в золото, и Парнокопытный заверяет, что это обман зрения, потому что «жарка»... э-э-э... «преломляет контур». Какой контур – он не сообщил. Наконец, сталкер Орех хочет, чтобы его друзья знали, что на станцию «Авиамоторная» лучше не соваться. Думаю, что речь идет о метро... Что?.. А, вот, Тигран мне кивает. Да, Орех предостерегает вас, чтобы вы держались подальше от «Авиамоторной». А я хочу сказать снова, что сейчас в метро никому делать нечего. Не ходите туда, люди. А для тех, кто только что к нам присоединился, мы повторяем: мы сталкеры, и мы захватили этот радиоканал...

С нижнего этажа снова послышался дикий грохот – продолжался штурм. Полина сжалась в кресле, стараясь не сильно двигать головой. Операция по удалению осколка из головы прошла удачно, и девушка всеми силами старалась вести себя так, чтобы ее состояние не ухудшилось.

На уход рассчитывать не приходилось. Стресс, вызванный Зоной за окошком, немного поутих, превратившись в тупое принятие нового порядка. Плюс к тому – перенесенная травма, затем непонятное убийство в соседней палате, допрос полиции, отсутствие связи с внешним миром и, наконец, попытка вторжения в клинику со стороны воинствующих банд, очевидно, с целью добычи наркотиков. Слишком много для одного дня.

Полина переоделась в уличную одежду одной из медсестер – ее собственные вещи оказались в слишком плохом состоянии, чтобы ходить в них. После того как один из врачей наскоро перевязал ей голову и бесследно пропал, девушка натянула вязаную шапочку. Со стороны ее состояние выдавала лишь сильная бледность. Покинуть клинику она не могла – по крайней мере самостоятельно. Несмотря на то что визит полиции пришелся на уже свирепствующую Зону за окном, никто не говорил ни о каком чрезвычайном положении, не пытался вывести людей из клиники и вообще ничего не делал сверх своих задач. Полина честно назвала свои имя и фамилию, при этом не понимая, почему ее данные были наскоро написаны от руки на табличке у кровати явно не врачебным почерком. Но никто этой детали не придал значения. Травма головы никак не затронула память девушки, и она точно помнила, что не называла себя, когда ее сюда привезли. Она была без сознания, и никто из персонала ее раньше не видел. Но, заметив свое имя на табличке, девушка решила, что нет смысла таиться от полиции.

С одной стороны, расчет оправдался: полиция приезжала не за ней. И ее оставили в покое. С другой стороны, глядя в окно, девушка понимала, что лучше бы ее увезли. Сейчас в городе творится полная неразбериха, и если где-то кого-то эвакуируют, то точно не больницу. Возможно, до них вообще не доберутся.

Очередной удар едва не снес входные двери – сложенные в качестве баррикады столы и шкафы не могли долго сдержат натиск мародеров. Из персонала оставались человек шесть – остальные успели заблаговременно разбежаться. Пациентов, видимо, тоже никого не было. Всего минут десять назад пробежавшая мимо женщина в белом халате спрашивала у Полины, в порядке ли она, а теперь никого нет. И что самое дурное, помочь врачам тоже нечем – у Полины все плыло перед глазами, стоило ей резко пошевелиться...

Стекло в дальней части коридора разбилось, и девушка в ужасе вжалась в кресло. Сразу за этим послышались шаги, от чего ее сердце упало. Кто-то из толпы снаружи все же добрался до третьего этажа.

Через мгновение Полина поняла, что это не мародер.

В темно-зеленом, почти черном снаряжении перед ней стоял Борланд. Альпинистские скобы на его поясе свидетельствовали о том, что он попал сюда с крыши. На груди дулом вниз висел автомат. Борланд выглядел не очень хорошо – слишком изможденным, уставшим, как может выглядеть человек, недавно выбравшийся из глухого бункера. Но его глаза светились таинственным оптимизмом, будто что-то его держало и вдохновляло на новые свершения.

– Ну, привет, – сказал он немного хрипло. – Рад, что ты нашлась.

– А ты меня искал? – спросила Полина машинально.

– Тебя и всех остальных. Как ты? Что с тобой случилось?

– Что со мной случилось? – переспросила девушка. – Что с Москвой случилось?! Там что, Зона?!

На лестнице послышались торопливые шаги.

– Кто там?! – закричала медсестра. – Господи, они уже наверху!

– Нет! – воскликнула Полина, схватившись за голову и понижая тон. – Это друг, он свой!

Борланд быстро подошел к лестнице.

– Слушайте меня все, – сказал он громко, чтобы все слышали. – Снаружи больницу штурмуют бандиты! Вы долго не продержитесь, а помощь не придет! Бросайте все и выбирайтесь через веревку на крышу с третьего этажа. Оттуда переходите на соседнюю крышу, спуститесь по пожарной лестнице и бегом, повторяю, бегом двигаете к проспекту, где сможете нагнать военный конвой, который вас заберет!

Второй раз уговаривать не пришлось – весь оставшийся персонал принялся выполнять распоряжения.

– Я не смогу, – сказала Полина. – Мне и ходить тяжело.

– Тебе и не нужно никуда лезть. Ты выйдешь через дверь, когда с мародерами будет покончено.

– Что? Ты собираешься в них стрелять?

– Пока не знаю. Но у меня хорошая новость. Сюда идет Марк.

– Правда? – Девушка улыбнулась, на ее лице появилось счастье. – Ты привел его сюда?

– Нет. Не я. Он сам тебя нашел.

– Так ты пришел не с ним?

– Нет, – ответил Борланд. – Если честно, то я заметил его с крыши. Мне нужно переговорить с тобой до того, как он придет сюда. Но ты сможешь рассказать ему все, что захочешь.

– Не понимаю...

– Не время объяснять. Если еще увидимся, я все тебе расскажу. Пока что у меня вопрос: ты знаешь, где находится кто-нибудь из наших?

– Каких еще «наших»?

– Виктор, например. Виктор Корнеев. Или...

– Не знаю. Постой, я по радио слышала, как называли Ореха.

– Какому еще радио?

– Два сталкера, Тигран и Геворг, захватили станцию. Дают советы людям, как выжить.

– Тигран, – проговорил Борланд, потирая лоб. – Геворг... быстро они оказались тут. На несколько часов позже меня...

– Позже тебя? Ты сам где был?

Очередной удар снизу прозвучал громче обычного – видимо, мародеры раздобыли мощный таран или додумались взять грузовик. Борланд взял Полину под локоть и оттащил в сторону, подальше от лестницы.

– Слушай внимательно, – сказал он. – Когда Марк явится, отдашь ему вот это.

Борланд вытащил из кармана два непонятных жетона без цепочек.

– С этими жетонами вы выбираетесь из Москвы, ищите любой транспорт и доезжаете без остановок до частной авиабазы в Арханово. Там стоит свежий указатель, не пропустите. На входе показываете жетоны, и вас эвакуируют с новыми именами и документами. Но вы должны попасть туда не позднее послезавтрашнего вечера. Иначе самолет улетит без вас.

– погоди! – выкрикнула Полина, сражаясь с новым приступом боли. – Просто... не торопись так! Приведи сюда Марка и расскажи ему все сам!

Борланд покачал головой.

– Не думаю, что нам сейчас стоит видеться, – сказал он. – Просто передай ему мои слова.

– А ты куда?

– Мне нужно найти остальных. Ты говорила, что знаешь, где Орех.

– Я не знаю. Он передавал через радио, что сейчас нельзя идти на станцию метро «Авиамоторная».

– Нельзя идти на станцию... – пробормотал Борланд. – Какая разница, сейчас ни на какую станцию нельзя идти... Это знак. Орех дал понять, что находится на «Авиамоторной». Иначе и смысла нет персонально кого-то предостерегать. Я пошел.

Прежде чем Полина что-то поняла, Борланд схватился за веревку, висящую за окном, и мигом оказался по ту сторону. Полина беспомощно смотрела на него.

– Не уходи, – попросила она. – Если Марк и вправду снаружи, то он там совсем один, а толпа...

– Я прикрою с крыши, – пообещал Борланд. – Извини, но это максимум, что я могу для него сделать. Говорить с ним я не хочу.

Полина неуверенно кивнула в ответ.

– Будьте в Арханово послезавтра, – напомнил Борланд. – Удачи вам.

С улицы прозвучал выстрел, от которого Полина взвизгнула в ужасе. Борланд полез на крышу, пропав так быстро, будто его и не было.

* * *

Марк смотрел на жетоны, словно они могли дать все ответы.

– Значит, Борланд не захотел со мной поговорить, – констатировал он и усмехнулся. – Что ж... твоё право, дружище. Все равно спасибо.

Полина легко коснулась его руки.

– Пойдем отсюда, пожалуйста, – вымолвила она. – Выведи меня отсюда.

– Да, да, – очнулся Марк, спрятав жетоны в карман. – Пойдем.

Они покинули «Альстромеру», не оборачиваясь, расставаясь с последним местом, которое могло им хоть как-то напомнить о Зоне. Рядом с Марком находился самый дорогой человек на свете, согревая его левую руку настолько же, насколько правую охлаждал пистолет. Этого баланса оказалось достаточно, чтобы отложить на будущее все оставшиеся вопросы. У них имелось два дня на то, чтобы преодолеть шестьдесят три километра на север. Марк не знал, стоит ли ему следовать этому совету.

Но он точно знал, что последует.

Часть II

1

Село Белка, Одесская область

8 декабря 2008 г.

12:23

– Виталька, ты где?

Услышав голос отчима, мальчуган втянул голову в плечи и сжался, от чего стал выглядеть более хрупким, чем раньше. Он затаил дыхание, зная, что это не поможет, но годами укоренившиеся привычки были сильнее всего.

– Вылезай, сопляк!

Дверь шкафа открылась, впустив тусклый свет от старого плафона на стене. Высокая тень выросла перед ним.

– Тебе не стыдно? – покачал головой отчим. – Взрослый уже, в шкафу не помещаешься, а все туда же – в прятки играть... Вылезай давай.

Мальчишка молча повиновался. Он вовсе не считал себя большим и, по меркам ровесников, им не являлся. Тяжко приходится, если тебе только стукнуло пятнадцать, но тебе никто не дает больше двенадцати, и самый низкорослый одноклассник в сельской школе выше тебя на голову. Проблему уважения могло решить проверенное поколениями, старое доброе гопничество, но по этой дорожке Виталька идти отказался, за что был неоднократно бит. В том числе и сегодня.

– Пацан в твои годы должен уметь себя уважать, – высказывал ему отчим таким тоном, словно собирался схватить за ухо и, перегнув через колено, задать хорошего ремня. – Если другие тебя не уважают – хрен с тобой, твои проблемы. Но что ты сам себя не уважаешь – это уже мои проблемы. Я терпеть не буду. Обувайся и пойдем.

Угрюмо завязывая шнурки на старых кроссовках, Виталик изо всех сил старался не шмыгать носом. На улице было холодно, в доме, напротив, жаром полыхала печь, и от перепада температур постоянно текли сопли. Даже отчим с железным здоровьем то и дело прочищал свои каналы, но Виталик не мог себе это позволить, иначе снова прилепил бы к себе репутацию плаксы. Про уважение он слышал часто, даже когда отчим был относительно трезвый. И Виталик сильно сомневался, что папаша вообще понимает, из каких кирпичиков это самое уважение строится.

На улице подул ледяной ветер, от чего голова снова заныла, отдавая ноющей болью в сизый фингал под глазом. Снег еще не начался, и погода угрожала снова превратить зиму в полугодовой этап ненавистой слякоти. Шесть месяцев тоски, отчаяния и школьных унижений. А начало сезону положено уже сегодня.

Отчим топал рядом, чуть ли не держа Виталика за шиворот. При его размерах это было бы сделать проще простого. С его сапог осыпались комья свежей грязи.

Избившие Витальку пацаны все еще стояли у старого школьного забора, ржачно обсуждая случившееся. Это давило сильнее всего. Подумаешь, влепили в рыло разок-другой – так имейте совесть, разойдитесь по домам, чтобы никто ничего не доказал. Это даст видимость хоть каких-то правил, вроде страха наказания за беспредел. Но нет, надо обязательно обменяться мнениями, закрепить случай в памяти, чтобы завтра было что вспомнить во всех красках и подробностях.

При виде здорового мужика, который чуть ли не подталкивал пасынка впереди себя, лица пацанов удивленно вытянулись, уголки губ уже были готовы расплзтись в ухмылках. Но парни все еще просчитывали ситуацию, пытаясь понять, что происходит. Виталик ощутил приступ горького бешенства. Хотел бы он, чтобы в нем тоже видели серьезного врага, раз уж о том, чтобы быть корешем, мечтать не приходится. Что угодно, но не пустое место.

– Здорово, пацаны, – сказал отчим, останавливаясь так, чтобы бежать можно было только на территорию школы. – Вы зачем сына моего избили?

– Я не заложил! – крикнул Виталька поспешно.

– Не заложил, – подтвердил отчим. – Бабки сказали, что через дорогу торгуют. Им оттуда все видно.

Пацаны переглянулись.

– Никто его не бил, – сказал вожак, и Виталька только сейчас понял, что даже не знает его имени, хоть и проучился с ним три месяца. – Он упал.

– Понятно. – Отчим подергал себя за указательный палец, на миг скорчив гримасу. – Не признаетесь, значит. А теперь слушайте. У меня тут парень, которого только что избили толпой. Он испуган, не знает, что делать и как дальше быть. Ему кажется, что вся жизнь будет такой. Он вас боится. Это то, что вы все хотели. Будь драка один на один – он бы сам разобрался, но толпа на одного – это не то, от чего плясать надо. Так что у нас тут проблема. И есть два способа ее решить. Первый: вы все сейчас становитесь на колени и просите прощения.

Виталька испуганно дернулся, но почувствовал твердую хватку отчима на плече. Пацаны с изумлением уставились на угрожавшего им мужика.

– И второй путь, – продолжал отчим. – Если вы не станете на колени перед моим сыном, я прямо сейчас выбью из вас всю дурь. Бить буду больно, капитально, с увечьями. Я этого не хочу, ведь синяк у моего сына – не то же самое, что увечья. Но тут вопрос принципа. Мы не синяки тут лечим, а страх. Страх у молодого пацана может пропасть, если пропадет то, что его вызвало. Он вас боится, и я хочу, чтобы он перестал вас бояться. А для этого вы должны либо проявить себя ссыкунами, либо умыться своей кровью. Выбирайте.

Вожак сельской стаи, очевидно, имел третий вариант. Он вынул худую, жилистую руку из кармана, продемонстрировав нож с выкидным лезвием. В руках его подельников мигом оказались такие же.

Сделав неимоверное усилие, Виталька высвободился, потерял равновесие и упал на холодный грунт, глядя на отчима с ужасом. Тот при виде ножей даже не дрогнул.

– Вас бы с этими зубочистками, да в Афганистан, – бросил он и шагнул к шайке.

Что было потом, Виталик помнил плохо. Он слышал треск ломающихся костей, видел окровавленные зубы на дороге, запомнил отблеск света на сломанном лезвии ножа, валявшемся рядом. Теперь он знал, что собой представляет сдавленный вопль. Не когда ты сам театрально зажимаешь свой крик, а когда пытаешься орать во все легкие, но тебя сдавливает невидимый пресс. Со стороны ему было видно хуже, чем если бы он являлся участником сражения, но он понял достаточно.

Громкий крик послышался откуда-то со стороны – посторонние мужики оттащили отчима, пинавшего сапогами вожака в лицо. Другие пацаны уже лежали в разных позах, корчась от невыносимой боли. Виталик смутно помнил, что в азарте схватки боль обычно приходит позже. Если пацаны чувствовали ее уже сейчас, то лишь потому, что отчим так захотел.

– Добей их, парень! – Отчим сплюнул кровь, глядя на пасынка с азартом и не пытаясь высвободиться из массы державших его рук. – Докажи, чей ты сын!

Виталька поднял руки, сжимая их в кулаки, чтобы скрыть дрожь. Приступ звериной ярости охватил его. Он годами мечтал, чтобы отчим назвал его сыном. Но не теперь, когда ему было стыдно за хоть какую-то принадлежность к этому великовозрастному садисту, алкашу и подонку, спровоцировавшему кровавый конфликт с подростками.

– Я тебе не сын, – проговорил он. – И, если бы Сережка был жив, он бы сказал то же самое.

С лица отчима схлынула вся краска. Он затрясся, его ноги едва не подкосились. Виталик подскочил к нему и в бешенстве врезал в лицо, чуть не сломав себе пальцы. Рука тут же заныла, он отвернулся, и мужики уволокли его в сторону. Отчим что-то бессвязно кричал, однако Виталик уже не захотел ничего слышать.

Он наклонился к жожаку и осмотрел его, как мог. Вроде бы тот ничего не сломал.

– Вставай, – сказал он. – Я заберу ножи. А то загремите.

Пацан в ответ кивнул, растирая кровь по лицу. Виталик быстро собрал ножи и рассовал их по карманам.

– Бегите! – крикнул он. – Ничего не было!

– Белочку поймал, орешек потерял, – съехидничал один из мужиков. Виталик быстро обернулся, пытаясь понять, кто из них произнес знакомую присказку – столь же неуместную, сколь и ненавистную. Но разобрать так и не сумел.

2

Станция «Авиамоторная», Московская Зона, первый день

16 марта 2014 г.

14:07

– Телефон пашет? – спрашивал белобрысый парень лет тридцати, переминавшийся с ноги на ногу. – Связь есть?

Орех повесил трубку и повернулся к нему.

– Только если на городской звонить, – ответил он. – Сотовые не работают нигде.

– А ну-ка. – Парень подошел к таксофону – вероятно, одному из самых ценных реликтов на этой станции при данных обстоятельствах. – Черт, забыл совсем, куда тут нажимать-то?

Орех положил на полочку рядом с телефоном карту размером с банковскую – мало ли кому захочется позвонить.

– На обороте все написано, – сказал он и отошел в сторону.

Он чувствовал на себе испытующий взгляд белобрысого. Интересно, какое впечатление должен производить современный молодой пацан, таскающий с собой по Москве карту для городских таксофонов, чудом сохранившихся в заблокированной подземке? У Ореха при себе была еще масса полезных вещей вроде фонарика и перочинного ножа, и он опасался, что этому придется найти применение в ближайшем будущем. А именно: лезть в первую же найденную дыру, которая, возможно, выведет его на поверхность. Именно наверх сейчас и нужно было попасть. Любым способом, который отыщется. Иначе наступит очередь предметов посерьезнее – недаром пистолет все еще оттягивал карман, постоянно напоминая о себе. Полсотни человек в замкнутом пространстве звереют слишком быстро, чтобы можно было привыкнуть к этому.

Самое плохое, что Орех и не должен был тут находиться – он рассчитывал временно укрыться на улицах. Но попытка остановить людской поток, льющийся на «Авиамоторную», привела лишь к противоположному результату: его попросту оттеснили внутрь. А затем свод над эскалатором обрушился, похоронив под собой тех, кто остался сзади. Когда пыль улеглась, оказалось, что выход наверх заблокирован.

После того как спал первый стресс, выяснилось, что поезда тоже не ходят, что для всех, кроме Ореха и еще пары сообразительных, оказалось полной неожиданностью. Человек десять упорно продолжали стоять на платформе, ожидая поезда. Их никто не трогал – каждый старался найти себе энергетическое состояние, при котором душевное равновесие сохранялось как можно дольше. Вскоре оказалось, что на станции нет никого из представителей администрации или даже простого дежурного. Все они либо покинули «Авиамоторную», либо погибли. Было найдено лишь тело милиционера, скончавшегося от неизвестных причин. С него сразу же сняли дубинку, которая вскоре затерялась среди охотников до ценностей нового мира.

Самым логичным решением казался поход по рельсам в глубь тоннеля, но одну сторону преграждал завал, охвативший обе ветки, из-под которого текли тонкие струйки воды. Противоположная сторона казалась свободной, и трое смельчаков тут же пошли по ней, невзирая на завопившую сирену. Спустя минуту послышался истошный вопль, затем его сменил чавкающий, мясной звук, который было сложно описать как-то иначе. Никто не горел желанием сходиться и выяснить, что там такое, и Орех также предпочел пока остаться на станции. У него еще оставалось время – пока не вырубилось электричество, не хлынули потоки грязной воды из-под завала, не произошло еще одно обрушение... Орех сумел спрогнозировать около двадцати различных возможных осложнений своей участи, прежде чем оставил это занятие. Он не мог предусмотреть все. Будь он немного увереннее в своих силах, можно было бы рискнуть пойти по тоннелю. Возможно, он это сделает позже.

Наскоро проверив будку дежурного, он нашел старый радиоприемник, охватывавший тем не менее современный частотный диапазон. Орех не смог понять, был ли приемник личной собственностью дежурного, или входил в оснащение будки. Сейчас он бы ничему не удивился.

Хотя через пару минут Орех все же озадачился, услышав по радио обращение сталкеров-армян. Поняв, что это его способ связаться со своими и объяснить свою ситуацию, парень принялся искать работающий телефон, пока не наткнулся на одинокий терминал в дальнем углу платформы. Орех оказался первым, кто додумался проверить работу телефона, чудом сохранившегося в условиях тотального демонтажа подобных устройств по Москве. Вскоре у аппарата скопилась агрессивная очередь, и Орех предпочел спрятаться среди дальних колонн на противоположном конце – и от источников стресса подальше, и за темным тоннелем следить намного проще.

Орех не рассчитывал, что кто-то из его друзей услышит обращение и тем более поймет намек, что он заперт на «Авиамоторной». Не строил он иллюзий и по поводу своей важности в их глазах. В самом деле, кто может прийти за ним? Марк неизвестно где, Борланд сидит на «Вертикали», да и у них свои проблемы. Возможно, Совун вспомнит о товарище. Но Совун не стalker. Он вряд ли найдет способ пролезть на станцию.

Нет, Орех делал ставку на азарт других сталкеров, ему неизвестных, которые падки на запретный плод. Сказано – нельзя соваться на «Авиамоторную», значит, обязательно сунутся. И проделают выход с другой стороны, безопасной. Рано или поздно так и случится, но кто знает, сколько времени здесь придется просидеть – возможно, дни или недели, а ведь еще неизвестно, как быстро одичают люди, запертые вместе с ним...

– Тридцать лет назад здесь уже ликовала смерть, – произнесла женщина с потухшим взглядом, сидевшая на каменной плите, упавшей с потолка. – Восемь человек погибли, когда поломалась лестница. Их раздавили те, кто остался...

С дыры над ее головой сыпалась тонкая струя мраморной крошки, попадая точно ей на голову, застревая в волосах, осыпаясь на плечи. Зрелище было страшным.

– Замолчи ты, дура, – в страхе произнес сгорбленный старик. Судя по тому, что он успел спуститься так быстро вместе со всеми и не выглядел помятым, он, возможно, был здоровее большинства своих собратьев по несчастью, и его теперешняя осанка объяснялась запоздалым испугом. – И без тебя тошно.

Под свет яркой лампы встал бледный как смерть человек в коричневой куртке, порванной на спине.

– У кого-нибудь работают сотовые? – спросил он дрожащим голосом. – Карточки оплаты у аппарата кончились, на экстренные не отвечают. Пожалуйста...

Пятеро или шестеро покачали головами, но никто не ответил ему вслух.

– Пожалуйста, – повторил человек. Возможно, он не понял, что мобильники теперь годятся разве что в случае слабых фонарей, и решил, что ему просто не хотят давать позвонить.

– Интернета нет, мобилки накрылись, – вздохнул белобрысый. – Скучно.

Орех промолчал. В минуту информационного голода любые средства хороши. Пока тихая паника не перешла в большую, пока не спал первый шок, люди будут обсуждать произошедшее, строить догадки, выдвигать теории. Но почему-то бесили именно те, которые не занимались поиском причин, не хотели мыслить в общем потоке, а, напротив, вели себя как капризные дети от не слишком здоровых родителей. Если ты только что испытал сильный стресс, то невыносимо смотреть на того, кому он еще только предстоит.

– Как вы думаете, нас спасут? – шепотом спросил розовощекий толстяк с внешностью кандидата на докторскую. – Должны ведь?

– Ага, спасут, – ответил кто-то. – Как заложников «Норд-Оста» спасали.

– Нет, – произнес Орех. – Тогда были террористы, а сейчас их нет. Нас никто не захватывал.

– А ты откуда знаешь? – сверкнул глазами толстяк. – Это же точно теракт! Кто мог такое устроить?

– Как кто?! – послышался женский крик. – Правительство!

– Ну и что с того, что не теракт?! На «Курске» тоже террористов не было! И все равно...

Орех встал и принялся снова бродить по станции, стараясь не вникать в суть политических баталий, но они все равно настигали его во всех концах станции, эхом отражаясь от стен. С уединением тоже была большая проблема – выжившие рассредоточились равномерно по всей территории станции, и без того не самой крупной. В результате Орех спрыгнул на обессточенные рельсы и отошел вглубь метров на десять, где и уселся на холодный металл, прислонившись к влажной стене. Насколько он помнил, ушедшие в ту сторону парни успели пройти метров сто, прежде чем покинули этот мир.

Давно позабытое чувство начало рождаться внутри него. С удивлением Орех понял, что это не что иное, как самое обычное спокойствие, которого он не имел, казалось, много лет, хотя всего лишь сутки назад спал сном ребенка. С тех пор на него было совершено покушение в ЦАЯ, затем он стал свидетелем рождения Зоны и вот теперь сидит глубоко под землей, с аномалиями с одной стороны и теряющими самообладание людьми – с другой. И если этот маленький участок железнодорожного полотна стал его пристанищем на какое-то время... то почему бы, собственно, и нет?

Воспоминания о прошлой жизни нахлынули неожиданно, и Орех их принял как приятный подарок, чудесное лекарство от творившейся вокруг суматохи...

3

Белка, Одесская область

8 декабря 2008 г.

13:48

Отчим вернулся через час. Когда хлопнула дверь, сердце Витальки чуть не выскочило из груди, но он продолжал лежать на кровати, ожидая, когда в его комнату снова войдет единственный человек, официально считавшийся ему родственником. Однако этого не произошло. Вместо этого слышались хлопанье дверцы старенького холодильника, скрип стула, стук бутылки о стакан – чередой знакомых с детства звуков. Затем их сменил другой, который был совсем новым в этом доме. Рыдания одинокого, уставшего человека.

Осторожно поднявшись, Виталик прошел на кухню. Отчим сидел спиной к нему, прижимая к груди фотографию в траурной рамке. Виталька помнил, что изображено на ней, и не желал лишней раз смотреть на сочетание знакомых глаз с черной лентой.

– Ты был прав, – сказал отчим, и Виталик понял, что обращаются к нему. Отчим умел хранить все в себе и никогда не общался с мертвыми вслух при свидетелях. – Прав насчет Сережи. Сегодня он бы меня устыдился. Но я лишь хотел, чтобы с тобой так себя не вели сволочи всякие. Я знаю, что может получиться, если все терпеть. Знаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.